

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
Национальный исследовательский Томский государственный университет
Международный исторический журнал «Русин»

**СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ**

IX Международная научная конференция

15 – 16 мая 2023 года

ПРОГРАММА

ТЕЗИСЫ

**Конференция проводится при поддержке
Программы развития Томского государственного университета
(Приоритет-2030)**

Оргкомитет

РЕЗАНОВА Зоя Ивановна – председатель
ФИЛЬ Юлия Вадимовна – зам. председателя

Члены оргкомитета

ЭМЕР Юлия Антоновна
ТОЛСТИК Светлана Александровна
ДУДАРЕВА Анастасия Игоревна – секретарь

Программный комитет

ДРОНОВА Любовь Петровна (Томск, Россия) – председатель
СУЛЯК Сергей Георгиевич (Санкт-Петербург, Россия; Тараклия,
Молдавия) – заместитель председателя
ДЫБО Анна Владимировна (Москва, Россия)
ПЛИШКОВА Анна (Пряшев, Словакия)
ФЕЙСА Михайло (Нови-Сад, Сербия)

Формат работы конференции

15 мая – смешанный (очно / онлайн¹)

Открытие конференции

ауд. № 15, 3-й корпус ТГУ (пр. Ленина, 34) / online (zoom²)

Пленарное заседание

ауд. № 15, 3-й корпус ТГУ (пр. Ленина, 34) / online (zoom)

16 мая – смешанный (очно / онлайн)

Работа секций

ауд. № 15, 23 – 3-й корпус ТГУ (пр. Ленина, 34) / online (zoom)

Заккрытие конференции

ауд. № 15, 3-й корпус ТГУ (пр. Ленина, 34) / online (zoom)

Регламент работы конференции:

- ✓ *пленарный доклад с обсуждением* – 30 минут (доклад 20 мин., 10 мин. – вопросы, обсуждение)
- ✓ *секционный доклад* – 20 минут (доклад 10-15 мин., 5-10 мин. – обсуждение)

Рабочие языки конференции: русский, другие славянские (синхронный перевод не предусмотрен).

Время конференции: **московское**

¹ Для участия необходимо установить программу/приложение на свой компьютер, планшет или телефон. Также вы можете использовать браузеры и участвовать в конференции, не устанавливая дополнительного программного обеспечения. Все программы и приложения доступны для скачивания по следующей ссылке: <https://zoom.us/download>

² Ссылки для участия в заседаниях будут размещены на сайте конференции.

15 МАЯ 2023 г.

Открытие конференции
09:00 – 09:20

Пленарное заседание
09:20 – 12:25

Заседания секций

Секция 1. Славянские языки: историко-филологические аспекты	15 мая 12:50 – 15:00
Секция 2. Славянские языки: функционально-семантический аспект	16 мая 09:00 – 13:40
Секция 3. Языковое контактирование: корпусные, психолингвистические, социоллингвистические аспекты	16 мая 09:00 – 13:40

16 мая
Заккрытие конференции
13:45 – 14:15

Программа
IX Международная научная конференция
«Славянские языки в условиях современных вызовов»

15 МАЯ 2023 г.

ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Ауд. 15 (3 корпус ТГУ)

Ссылка для подключения:

<https://us06web.zoom.us/j/85694219691?pwd=WUoxcFY1L2ZxRlRXcEU4MmFEZ0JiQT09>

09:00 – 09:20

Председатели:

Резанова Зоя Ивановна

Суляк Сергей Георгиевич

Приветствия участникам конференции

- главного редактора журнала «Русин» С. Г. Суляка
- председателя оргкомитета конференции З. И. Резановой

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Ауд. 15 (3 корпус ТГУ)

Ссылка для подключения:

<https://us06web.zoom.us/j/85694219691?pwd=WUoxcFY1L2ZxRlRXcEU4MmFEZ0JiQT09>

09:20 – 12:25

Председатели:

Суляк Сергей Георгиевич

Резанова Зоя Ивановна

09:20 – 09:50 Суляк Сергей Георгиевич, г. Санкт-Петербург (Россия);
г. Тараклия (Молдова).

Иосиф Левицкий – просветитель Галицкой Руси

09:50 – 10:20 Дронова Любовь Петровна, г. Томск (Россия)

Русинское *шум* в контексте исторических связей

10:20 – 10:50 Мокиенко Валерий Михайлович, г. Санкт-Петербург (Россия)

Русинский бог в пословицах и поговорках

ПЕРЕРЫВ 10:50 – 10:55

10:55 – 11:25 Резанова Зоя Ивановна, г. Томск (Россия)

Контакты языков сквозь призму языкового и метаязыкового сознания билингвов (славянско-тюркское языковое взаимодействие)

11:25 – 11:55 Мечковская Нина Борисовна, г. Минск (Беларусь)

Причинно-следственные объяснения в истории славянских языков: множественность, относительная хронология и иерархия факторов изменений

11:55 – 12:25 Алефиренко Николай Федорович, г. Белгород (Россия),
Чумак-Жунь Ирина Ивановна, г. Белгород (Россия)

Коммуникативно-прагматический потенциал славянских этнонимов

ПЕРЕРЫВ 12:25 – 12:50

СЕКЦИЯ 1

Славянские языки: историко-филологические аспекты

Ауд. 23 (3 корпус ТГУ)

Ссылка для подключения:

<https://us06web.zoom.us/j/85694219691?pwd=WUoxcFY1L2ZxRlRXcEU4MmFEZ0JiQT09>

Председатель:

Филь Юлия Вадимовна

15 мая

12:50 – 15:00

12:50 – 13:10 Филь Юлия Вадимовна, г. Томск (Россия), **Конончук Инесса Яковлевна**, г. Томск (Россия), **Дударева Анастасия Игоревна**, г. Томск (Россия)

Пространственные и отпространственные смыслы глагольной

префиксации в старославянском языке

13:10 – 13:30 Толстик Светлана Александровна, г. Томск (Россия)
Понятие «скорость» в истории русинского языка

13:30 – 13:50 Щеглова Ольга Георгиевна, г. Новосибирск (Россия)
О лексико-словообразовательных вариантах в русских чтениях
Стишного Пролога

ПЕРЕРЫВ 13:50 – 14:00

14:00 – 14:20 Островская Наталья Вячеславовна, г. Новосибирск
(Россия)

Дублетность видовременных форм прошедшего времени как
показатель изменения видовременной системы церковнославянского
языка

14:20 – 14:40 Садыкова Ирина Викторовна, г. Томск (Россия)
Рефлексы праславянского $*(v)onja$ в современных славянских
языках

14:40 – 15:00 Серышева Юлия Вячеславовна, г. Томск (Россия),
Сухорукова Юлия Александровна, г. Томск (Россия), **Филь Юлия
Вадимовна**, г. Томск (Россия)

Глаголы с проспективной семантикой в древнегреческом,
старославянском и русском языках

СЕКЦИЯ 2

Славянские языки: функционально-семантический аспект

Ауд. 23 (3 корпус ТГУ)

Ссылка для подключения:

<https://us06web.zoom.us/j/85694219691?pwd=WUoxcFY1L2ZxRlRXcEU4MmFEZ0JiQT09>

Председатель:

Курьянович Анна Владимировна

16 мая

09:00 – 13:40

09:00 – 09:20 Курьянович Анна Владимировна, г. Томск (Россия),

Русизмы в картине мира носителей современного китайского языка (на материале ассоциативного эксперимента)

09:20 – 09:40 Крюкова Лариса Борисовна, г. Томск (Россия)

Семантика восприятия и оценки в поэзии славянских символистов

09:40 – 10:00 Евпак Евгений Владимирович, г. Кемерово (Россия)

Чешская тема в дискурсивных практиках русских эмигрантов: лингвоперсонологический очерк

10:00 – 10:20 Бочаров Алексей Владимирович, г. Томск (Россия)

Лингвокреативный потенциал автогенерации префиксальных перестановок для изучения возможных слов и окказионализмов (на примере сопоставления префиксов в русском и украинском языках)

10:20 – 10:40 Шишигин Кирилл Александрович, г. Москва (Россия),
Лебедева Наталья Борисовна, г. Кемерово (Россия)

Формально-семантические сходства славянских и германских языков: белорусские, русские и украинские префиксальные глаголы и существительные для носителей немецкого языка

10:40 – 11:00 Никитина Татьяна Геннадьевна, г. Псков (Россия)

Устойчивые сравнения славян в сопоставительном словаре библеизмов

11:00 – 11:20 Меркулова Инна Александровна, г. Воронеж (Россия)

Соматизмы в лексических ядрах славянских языков

ПЕРЕРЫВ 11:20 – 11:40

11:40 – 12:00 Осипова Ольга Андреевна, г. Москва (Россия)

Творчество чешского поэта Витезслава Незвала как предмет искусства (в рамках синергетического подхода)

12:00 – 12:20 Ерома Жанна Ивановна, г. Москва (Россия)

Функциональный анализ юридического высказывания (на материале старобелорусских текстов Статутов Великого княжества Литовского)

12:20 – 12:40 Зубрицкая Екатерина Валентиновна, г. Калининград (Россия)

Гибридные номинации в эргонимах современного русского и польского языков

12:40 – 13:00 Поляк Татьяна Владимировна, г. Калининград (Россия)

Синестезийная метафора перцептивных прилагательных (на материале русского и польского языков)

13:00 – 13:20 Шкапенко Татьяна Михайловна, г. Калининград (Россия),
Ваулина Светлана Сергеевна, г. Калининград (Россия)

Интернет-мемы как средство репрезентации польских этнических автостереотипов

13:20 – 13:40 Шкуран Оксана Владимировна, г. Луганск (ЛНР),
г. Москва (Россия)

Десакрализация библеизмов в современном дискурсе как фактор признанности или легкословия

СЕКЦИЯ 3

Языковое контактирование: корпусные, психолингвистические, социолингвистические аспекты

Ауд. 15 (3 корпус ТГУ)

Ссылка для подключения:

<https://us06web.zoom.us/j/85423698441?pwd=WGtHaXl6Y0E0ZXRN21zZEdNd3g3Zz09>

Председатель:

Оглезнева Елена Александровна

16 мая

09:00 – 13:40

09:00 – 09:20 Оглезнева Елена Александровна, г. Томск (Россия),

Гордеев Сергей Витальевич, г. Хэйхэ (Китайская Народная Республика).

Славянская языковая личность в неславянском окружении (на материале речи русских и их потомков в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР в XX и начале XXI вв.)

09:20 – 09:40 Диброва Вероника Сергеевна, г. Томск (Россия)

Мотивация выбора языка билингвами в системе современных социокультурных практик (по данным анкетирования)

09:40 – 10:00 Артёменко Елена Дмитриевна, г. Санкт-Петербург (Россия)

Русский язык в неславянском окружении: модель языковой конкуренции в регионах тесного языкового контактирования

10:00 – 10:20 Владимирова Валерия Евгеньевна, г. Томск (Россия)

Русский грамматический род через призму восприятия инофоном

10:20 – 10:40 Остапчук Оксана Александровна, г. Москва (Россия)

Близкородственная интерференция в сфере глагола: польско-украинский контакт в XIX в.

10:40 – 11:00 Алексеева Екатерина Александровна, г. Саратов (Россия)

Русский язык в межкультурной коммуникации. Особенности восприятия русских концептов в современном мире

11:00 – 11:20 Коршунова Ирина Сергеевна, г. Томск (Россия)

Оценка вклада доминирующих аудиальной и визуальной модальностей в семантику слов, контактирующих языков (славянско-тюркское языковое взаимодействие)

ПЕРЕРЫВ 11:20 – 11:40

11:40 – 12:00 Калинин Степан Сергеевич, г. Москва (Россия),
Некрасова Мария Юрьевна, г. Севастополь (Россия)

Суржик и трясанка в сопоставительно-типологическом

освещении

12:00 – 12:20 Пилипенко Глеб Петрович, г. Москва (Россия)

Полевые исследования переселенческих славянских диалектов в Южной Америке: между сохранением исходной системы и инновациями

12:20 – 12:40 Сорокина Эльвира Анатольевна, г. Москва (Россия),
Сергей Викторович Гринев-Гриневиц, г. Москва (Россия), Рогущка Иоланта,
г. Сувалки (Польша)

О возможностях содружественного развития славянских языков

12:40 – 13:00 Орлова Ольга Вячеславовна, г. Томск (Россия)

Китайский язык в русскоязычной лингвокультурной рецепции:
языковые игры с квазиобсценизмами

13:00 – 13:20 Данилевская Наталия Васильевна, г. Пермь (Россия),
Вань Нин, г. Цзинань (Китай)

Универсальное и национальное в текстах русской и китайской
автомобильной рекламы

13:20 – 13:40 Пекунова Ирина Семеновна, г. Москва (Россия)

Метод эталона и девиаций в построении акцентных грамматик
средневековых славянских памятников

ЗАКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Ауд. 15 (3 корпус ТГУ)

Ссылка для подключения:

<https://us06web.zoom.us/j/85694219691?pwd=WUoxcFY1L2ZxRlRXcEU4MmFEZ0JiQT09>

13:45 – 14:15

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

РУССКИЙ ЯЗЫК В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ. ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ НЕКОТОРЫХ КУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Алексеева Е. А.

Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова, г. Саратов

Некоторые исследователи языка стремятся отыскать в слове, наряду с лексическими, денотативно-сигнификативными и коннотативными особенностями, такие элементы, специфика которых находится за пределами самого слова. В данном случае речь идет о фоновых знаниях и символической компетенции. Нас будут интересовать как эти выше обозначенные особенности проявляются в русском и китайском языках и культурах.

Как известно, человек регулирует свои взаимодействия посредством сложной системы знаковых представлений, связанных в сознании с объектами внешнего мира. В качестве средств выражения самих символических представлений могут служить элементы разных семиотических систем. Приоритетное место принадлежит языковой системе. Важной особенностью такого культурно-символического значения слова является тот факт, что оно не всегда содержится в словарной статье, посвященной соответствующей лексической единице. Поэтому информацию о нем часто можно получить, опираясь на фоновые знания носителей культуры.

Говоря о том, что единицы языка могут обозначать символы, мы имеем в виду, что, например, слово *солнце* обозначает небесное светило не только в качестве предмета, но и в качестве символа. Речь идет о первичном и вторичном значениях этого слова, когда оно выражает, с одной стороны, идею существования небесных светил, а с другой – идею божественного мира, Добра, Света, Бессмертия.

Символ *солнце* чрезвычайно значим в китайской культуре. Он относится к природной группе символов культуры Китая, возможно, потому что даосское направление философии было связано с гармоничным взаимодействием человека и природы. Важно, что символическая аура словесных единиц до сих пор осознается современными людьми и наличие ее подтверждается мифологической и этимологической реконструкцией.

Изучение символического значения, выраженного словом или сочетанием слов в соответствующем контексте, представляется одним из способов обнаружения как универсальных, так и национально-специфических черт, связанных с особенностями видения картины мира, социокультурного пространства и ментальности.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ КОННОТАЦИИ СЛАВЯНСКИХ ЭТНОНИМОВ

Алефиренко Н. Ф., Чумак-Жунь И. И.

Белгородский государственный университет, г. Белгород

При ментальном разделении общества на *своих* / *чужих* первый признак *чужого* — этнический. Это носитель иной внешности, иной культуры, иного языка. Основной маркер этнической принадлежности — этноним. В зависимости от коммуникативной ситуации этнонимы по-разному проявляют свой аксиологический потенциал.

1. Имена *своих* как репрезентанты этнокультурной картины мира.

Этнонимы, по мнению исследователей, раскрывают некоторые особенности «национальной души». Канонизируясь, название территории приобретает конвенциональные смыслы, превращаясь в священное имя нации. Употребление этнонима вызывает в сознании носителей языка свернутые в единый образ воспоминания о предшествующих контекстах, оценки референтов, коллективные пресуппозиции об общности истории, «крови», интересов, культурной традиции. Стереотипы, которые стоят за этнонимами, находят отражение в фольклорном, песенном, юмористическом дискурсах. Этноним в художественном дискурсе способствует осмыслению автохтонного этнокультурного пространства. Ср. самоидентификацию белорусов как литвинов в песне белорусского ансамбля «Ліцвіны»: *Ой дарожка доўгая да дому За Вялікае Княства за Карону Пераможам ворагаў спакусы Мы ж Літвіны, Мы ж Беларусы.*

2. Художественная репрезентация этнонимов как способ знакомства с иной культурой.

Для *чужого* в лингвокультурном пространстве нации представлены особые названия — этнофолизмы — экспликатеры пейоративной коннотации. В ранних произведениях, написанных на русском языке, но представляющих украинскую картину мира, Н. В. Гоголь употребляет этнофолизмы, иронично характеризуя *москалей* и *ляхов* как представителей этносов, которые выступают по отношению к героям как чужие. Так же иронична его языковая игра с номинантом *кацапня*, образованном от этнофолизма *кацап*, в письме к Максимовичу: *Бросьте, на самом деле, кацапию и едьте на гетманичину.*

3. Художественное воплощение этнонима как способ выразить отношение к чужим.

Этнофолизмы в художественном тексте могут служить как для описания *чужих* как *иных*, так и как способ выразить *отношение к чужому*. *Не пора, не пора, не пора Москалеві й ляхові служити; Довершилась України кривда стара — Нам пора для України жити!* (И. Франко).

4. Этнофолизм как лексико-семантический инструмент выражения агрессии и как средство провокации.

Эмоционально-оценочный характер этнофолизмов отражает стереотипные представления о чужих. При этом *чужому* нередко присваиваются худшие качества. Этнофолизмы активно используются в провокационных лозунгах и речевках для разжигания безумной ненависти к представителям другого народа (*бей жидов, спасай Россию, кто не скачет, той москаль*), причем в зависимости от политической атмосферы субъект может меняться. Так, в украинском сегменте интернета детализируется история слогана *москаляку на гіляку*: «Слоган виник у часи пацифікації у варіанті "поляка на гіляку", <...> видозмінився зі згадкою комуняк, а потім і москаляк».

Итак, противопоставление *свой* / *чужой* аксиологически реализуется в виде оппозиции «хороший — плохой», с резко отрицательной коннотацией относительно того, что принадлежит запредельному миру.

РУССКИЙ ЯЗЫК В НЕСЛАВЯНСКОМ ОКРУЖЕНИИ: МОДЕЛЬ ЯЗЫКОВОЙ КОНКУРЕНЦИИ В РЕГИОНАХ ТЕСНОГО ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТИРОВАНИЯ

Артёменко Е. Д.

Высшая школа экономики, г. Санкт-Петербург
Томский Государственный университет, г. Томск

Вопрос конкурирования двух языков является одним из наиболее актуальных в регионах тесного языкового контактирования. Исследование данного вопроса позволяет предсказать утрату билингвами миноритарного языка и, как следствие, предотвратить окончательный переход к монолингвизму, способствуя сохранению равновесного двуязычного сообщества. В литературе ранее предпринимались попытки построения модели конкурирования языков (language competition), учитывающие различное количество групп предикторов, соблюдение которых могло бы позволить сохранить активный статус миноритарного языка. При этом в ряде моделей ведущая роль отводится интенциям и мотивации билингвов (модель Бэггса-Фридмана), в других моделях роль билингва оказывается несущественной (модель Минетта-Ванга).

Мы предположили, что на активный статус миноритарного языка в билингвальном сообществе оказывают влияние несколько групп факторов: социодемографические (возраст, место рождения, место проживания и др.), в том числе институциональные (язык преподавания в местах получения образования) и социокультурные (язык обрядов, песен и фольклор) факторы, а также группа мотивационных факторов (субъективно оцениваемые билингвами интенции использования каждого из языков в настоящее время).

Моделирование производилось на материале корпуса тюркско-русского билингвизма, включающего три группы языкового взаимодействия: татарско-русское, шорско-русское и хакасско-русское. Всего в корпусе содержится 25145 наблюдений, полученных от 235 билингвов. Данные собирались при помощи социолингвистической и языковой анкет. Для анализа данных использовались смешанные линейные модели для контроля кластеризации ответов, связанных со случайными факторами респондентов (пакет lme4), в среде R для статистических вычислений.

Предложенная модель и полученные результаты дают некоторые предположения относительно условий, необходимых для сохранения стабильного уровня владения миноритарным языком. Наши результаты показали, что языковая конкуренция обеспечивается взаимно направленными процессами. Так, наиболее влиятельными факторами, обеспечивающими высокое владение билингвами родным миноритарным языком и, следовательно, приводящими к сбалансированной языковой ситуации в условиях языковой конкуренции, являются социодемографические факторы: опыт дошкольного проживания (в селе или в городе) ($Z = 2.468$, $p < 0.01$) и место проживания в настоящее время ($Z = 2.256$, $p < 0.01$). При этом фактор возраста оказывается незначимым, так же как и группа социокультурных факторов (язык обрядов и песен).

Мотивационные прагматические факторы, наоборот, приводят к формированию несбалансированной билингвальной ситуации ($Z = -2.801$, $p < 0.01$), снижая функциональную нагрузку миноритарного языка. Билингвы подчеркивают, что их собственная интенция использовать русский язык выше, чем интенция использовать родной язык. В этой ситуации стабильным равновесным решением языковой конкуренции становится моноязычное общество.

Таким образом, наибольшее значение для сохранения сбалансированной билингвальной ситуации имеют группа демографических факторов и мотивационная сфера билингва.

ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АВТОГЕНЕРАЦИИ ПРЕФИКСАЛЬНЫХ ПЕРЕСТАНОВОК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОЗМОЖНЫХ СЛОВ И ОККАЗИОНАЛИЗМОВ (НА ПРИМЕРЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ ПРЕФИКСОВ В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ)

Бочаров А. В.

Томский государственный университет, г. Томск

В докладе продемонстрирован комбинаторно-статистический метод в изучении префиксального словообразования неологизмов в русском и украинском языках. Префиксальный способ позволяет разнообразить славянский словообразовательный механизм. Автором был апробирован алгоритм автогенерации префиксных неологизмов для датасета возможной славянской терминологии (потенциальных слов и окказионализмов).

Основная задача заключалась в изучении лингвокреативного потенциала префиксов славянского происхождения, поэтому в исследовательской модели не учитывались интернациональные заимствованные приставки (греческие и латинские). Таким образом было выделено 27 продуктивных префиксов русского языка: (без- бес-), в-, во-, (вз- вс-), (воз- вос-), вы-, до-, за-, (из- ис-), на-, над-, о-, (об- обо-), (обез- обес-), (от- ото-), пере-, по-, (под- подо-), пре-, пред-, при-, про-, (раз- рас-), с-, со-, у-. Для них деривационный потенциал словообразования путем взаимных перестановок префиксов составляет 702 комбинации. Количество комбинаций вычислялось по формуле для размещений без повторов: $n! / (n - m)!$, где n = количество приставок, $m = 2$. Размещение означает в комбинаторике важность порядка элементов, в нашем случае это порядок взаимной замены приставок. Например, комбинаторной парой перестановок будет сначала замена приставки вы- на пред- (выветривать > предветривать, вывоз > предвоз), а затем замена приставки пред- на вы- (предошутить > выошутить, предчувствовать > вычувствовать).

Аналогичным образом было выделено 25 продуктивных префиксов украинского языка: (без- \ бес-), в-, ви-, від-, до-, з-, за-, зі-, зне-, на-, над-, о-, об-, обез-, обі-, пере-, перед-, під-, по-, пре-, при-, про-, роз-, с-, у-. Для них потенциал словообразования путем взаимных перестановок префиксов составляет 600 комбинаций. Например, словообразование путем замены префикса від- на над- (відбивання > надбивання, відбір > надбір), а затем замены префикса над- на від- (надбрівний > відбрівний).

Количество неологизмов и потенциальных окказионализмов зависит от доли однокоренных слов в двух перестановочных рядах (для анализа использовались словари¹). Для наиболее продуктивного префикса за- для каждого из двух языков путем префиксальных перестановок было сгенерировано более 50 тыс. неологизмов. Для наименее продуктивных префиксов зне- (укр.) и под- (русс.) сгенерировано по несколько сотен неологизмов.

В ходе частотного анализа сгенерированных данных выявилась задача различения и отделения встречающихся в информационном интернет-пространстве префиксальных окказионализмов от опечаток и грамматических омонимов.

Поиск префиксальных неологизмов в web-пространстве дает статистические критерии отделения словообразовательных окказионализмов от профессионализмов и специальной терминологии. Предложенный способ автогенерации неологизмов может использоваться также как альтернативный подход в изучении межъязыковой омонимии и синонимии близкородственных славянских языков.

¹ Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2-х томах. Издательство: АСТ, 2008 г.; Сікорська З.С. Українсько-російський словотворчий словник. – К.: Рад. шк-1985.– 188 с.; Українсько-російський словотворчий словник / З. С. Сікорська. – [2-ге вид., перероб. і допов.]. – Київ: Освіта, 1995. – 250 с.

РУССКИЙ ГРАММАТИЧЕСКИЙ РОД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВОСПРИЯТИЯ ИНОФОНОМ

Владимирова В. Е.

Томский государственный университет, г. Томск

Актуальность данного исследования определяется стремительным развитием межкультурных отношений в славянской культуре. Особое место в данном поле исследований занимает взаимодействие языков в сознании инофона, носителя иностранного языка и соответствующей картины мира, при восприятии и производстве усваиваемого славянского языка. Уже устоявшаяся языковая картина мира вступает в сложные связи с неродной славянской картиной мира носителя второго языка.

Рассмотрение таких сложных связей интересно и с точки зрения грамматических категорий, которые могут иметь разное выражение в родном и усваиваемом языках билингва. Естественность усвоения славянского языка инофоном может определяться степенью совпадения качественного и количественного состава категорий, представленных в языках билингва. Интересное положение занимает категория рода существительных. В славянских языках она представлена трехместной парадигмой, но часто либо двухместна, либо отсутствует. У билингвов, в родных языках которых нет категории рода, концептуализация слов родного языка имеет меньше параметров, и при усвоении второго славянского языка появляется новая когнитивная связь, однако мы предполагаем, что эта связь будет отличаться от тех связей, которые есть в сознании славян.

Задачей исследования является поиск экспериментальных доказательств влияния когнитивных особенностей инофона, в родном языке которого отсутствует парадигма грамматического рода (узбекский / китайский), на обработку трехместной славянской парадигмы рода существительных русского языка в сравнении с носителями русского языка как родного. Гипотеза заключается в том, что при восприятии слов русского языка проявятся разные тенденции активации двумя группами респондентов формальных особенностей рода и когнитивных, социокультурно обусловленных факторов, а именно наличие гендерных стереотипов. Гендерные стереотипы и роли могут отличаться в разных картинах мира и могут усваиваться при изучении славянского языка с родовой парадигмой, могут простраиваться ассоциативные связи для лучшего запоминания правил. Мы собрали оценки существительных по их связи с женской или мужской сферой употребления и выделили две группы слов (например, *чувство* – женская сфера, *дело* – мужская сфера).

Для решения поставленной задачи в рамках исследования проводился поведенческий эксперимент с задачей на лексическое решение с фиксацией времени реакции. Участники определяли, является ли предъявленный стимул словом или псевдословом. Эксперимент проводился на платформе Cognition.run с использованием программного продукта JSpsych, JS version 7.3.1. Обработка данных была проведена в программе RStudio на языке R.

По предварительным результатам не выявлен фактор маркированности ($p > 0.1$), т.е. структурно-языковые факторы не проявили своего влияния на обработку языковых единиц. Выявлен главный эффект билингвизма: инофоны значительно дольше обрабатывают стимулы, чем носители русского языка как родного ($p < 0.001$, критерий Краскела-Уоллеса с поправкой Бонферрони). Отмечается эффект сферы по оценкам инофонов ($p = 0.003$): лексические единицы женской сферы употребления обрабатываются быстрее. Перспективой исследования прежде всего является набор релевантного количества наблюдений.

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В ТЕКСТАХ РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ АВТОМОБИЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

Данилевская Н. В.

Пермский государственный университет, г. Пермь

Вань Нин

Шаньдунский женский институт, г. Цзинань (Китай)

Социальная значимость рекламы заключается в том, что это один из видов материальных носителей знаний человека о мире: сообщая о продукте, рекламные тексты одновременно трансформируют последний в некий устойчивый образ, который впоследствии начинает самостоятельно функционировать в сознании человека, занимая в нем определенное место. В этом видится серьезное гуманитарное значение рекламы: она детерминирует социальное поведение человека в том смысле, что побуждает реализовать фундаментальную для личности потребность в самоутверждении и самоидентификации, при этом не только в рамках референтной для человека социальной группы, но также в контексте межнациональных связей, т.е. помогает каждому ощутить себя частью мирового сообщества. Это особенно справедливо для автомобильной рекламы, благодаря которой каждый, например, русский, может почувствовать себя «чуть-чуть немцем», сидя в «BMW», американцем – в автомобиле марки «Chrysler» или настоящим россиянином, управляя «Ладой».

В эпоху глобализации общественной жизни и стирания жестких границ между этносами реклама оказывается не только источником сведений о жизни других народов и стран, но и существенным компонентом межнациональной (= планетарной) коммуникации и культуры, входит в *общечеловеческое культурное пространство*.

Важно уточнить, что речь идет о рекламе как одном из средств такого социального взаимодействия, которое способно влиять на изменение и формирование ценностных ориентаций в повседневной жизни людей разных стран, а значит, способно создавать, с одной стороны, зоны пересечения культур разных народов – так называемые *зоны культурного совпадения* (общности, единства); с другой стороны, способно нести информацию о специфике восприятия и понимания разными народами одних и тех же артефактов, т.е. создавать так называемые *зоны культурного несовпадения* (расхождения), или культурной самобытности в рамках рекламного дискурса.

В связи со сказанным интересен сопоставительный анализ ключевых смыслов, функционирующих в русской и китайской картинах мира, сформированных под воздействием текстов автомобильной рекламы. Такой анализ позволит обнаружить как зоны «культурного совпадения», так и зоны «культурного несовпадения», что облегчит рекламодателям процесс гармоничного конструирования рекламной деятельности в рамках международной автомобильной экономики.

В ходе исследования было опрошено 200 респондентов: по 100 человек с русской и китайской стороны. При этом мы придерживались гендерного паритета, поэтому в каждую группу респондентов вошли по 50 мужчин и 50 женщин. Средний возраст опрошенных составил 25-35 лет (в целом в опросе участвовали люди от 17 до 50 лет); социальное положение респондентов разное – это студенты, рабочие, служащие (гос- и офис-служащие, работники бюджетной сферы), предприниматели, домохозяйки.

Респондентам были предложены анкеты с пятью одинаковыми вопросами, позволившими выявить автомобильные приоритеты, закрепившиеся в русской и китайской картинах мира.

МОТИВАЦИЯ ВЫБОРА ЯЗЫКА БИЛИНГВАМИ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК (ПО ДАННЫМ АНКЕТИРОВАНИЯ)

Диброва В. С.

Томский государственный университет, г. Томск

Актуальность исследования обусловлена тем, что в современном обществе фундаментом общественной жизни являются социальные взаимодействия, которые в большинстве своем происходят с использованием языка. Структура общества является в определенном смысле следствием культурно ценностных ориентаций социальных институтов, в рамках которых реализуются социальные интеракции, «социокультурные практики»¹, реализуемые с использованием языка. При этом в современном мире преобладают коммуникативные ситуации, субъекты которых владеют не одним языком, переключаясь с одного на другой в зависимости от цели коммуникации.

Объектом представляемого исследования является языковое взаимодействие малых языков Южной Сибири через обращение к русскому языку, языку-макропосреднику во всех сферах коммуникации². Цель исследования заключается в анализе субъективного отношения билингвов к языкам, которыми они владеют, в соотношении с социально и культурно обусловленными коммуникативными практиками, в которые они включены на протяжении их жизни.

Источником материала послужили данные анкетирования татарско-русских, хакаско-русских и шорско-русских билингвов (234 человека). Анкетирование проведено с использованием социолингвистической анкеты О. А. Казакевич. В анализ вошли ответы респондентов, отражающие языковые ситуации этносов через субъективный языковой опыт билингва, и ответы, отражающие оценочное, в том числе эмоционально-оценочное, отношение билингва к языкам, которыми он владеет.

Анализируются субъективные ответы респондентов на различные утверждения, предлагаемые в анкете и касающиеся оценки языков как с точки зрения прагматизма, так и с точки зрения культурной и/или эмоциональной составляющей.

Результаты анализа показывают, что прагматически ориентированные оценки русского языка выше, чем материнского. Естественно, русский язык занимает доминирующее положение в обществе, являясь государственным языком РФ и языком институционального общения. Однако материнские языки имеют тенденцию оцениваться с культурной и/или эмоциональной точки зрения как весьма высоко значимые. Этому может способствовать рост национального самосознания в настоящее время, увеличение количества функций использования материнских языков – использование их в институциональном дискурсе, актуализация их этнической и эстетической функций³.

¹ Сергодеева Е.А., Бурчикова Е.О. Коммуникативные практики в повседневности информационного общества // Теория и практика общественного развития. – 2015. – №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-praktiki-v-povsednevnosti-informatsionnogo-obschestva> (дата обращения: 24.04.2023).

² Резанова З.И., Темникова И.Г., Некрасова Е.Д. Динамика социолингвистических процессов в Южной Сибири в зеркале билингвизма (русско-шорское и русско-татарское языковое взаимодействие) // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 436. – С. 56.

³ Там же. С. 66.

РУСИНСКОЕ *ШУМ* В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Дронова Л. П.

Томский государственный университет, г. Томск

История русин, которая складывалась, проходила на пересечении разных славянских и неславянских культур, оставила в языке следы своих исторических встреч. Результатом одной из них, очевидно, является слово *шум*, соотносящееся своими значениями, на первый взгляд, с совершенно разными понятиями: 1) (на воде) пена, 2) кустарник, 3) (мед. физ.) шум. Прилагательное *шумовый* обозначает и (фон, импульс) шумовой, и (слух, концентрат) пенный. Большая же часть производных связана либо с понятием «шум» (*шуміти* шуметь, *шумлячий* шумящий, *шумоніти* шелестеть), либо с понятием «пена» (*шумовина* пена, *шумовати* пениться, *шумоватый* пенящийся, *шумило* шипучий напиток и др. (Керча И. Русинско-русский словарь).

Таким образом, понятие «шум» в русинском оказывается соотношенным с понятиями «кустарник, лес», «пена» и «красивый, привлекательный». Подтверждение этих связей находим в словарях русинского языка и лемковских, бойковских говоров. Аналогичные лексико-семантические варианты у слова *шум* представлены и в словаре XIX в. Е. Желеховского: *шум* 1) пенящийся поток воды на мельничном колесе, в шлюзе; 2) шум, шорох, шелест; суматоха; 3) вид весенней народной игры; 4) пена. Связь признаков «шумный» и «пенящийся» в реальности (шумящий и пенящийся поток воды, водоворот; шипучий напиток), очевидно, и послужила основой сближения понятий «шум» и «пена» (ср. немецкое Brausen шум (моря, леса), рев (волн) ; 2) шипение (лимонада и т.п.) ; 3) перен. кипение (крови); 4) поливка, обливание (из душа, лейки); душ. Шум, возникающий в лиственном лесу при ветре, также очевиден, поэтому не только в русинском языке, бойковских говорах, но и в ряде других языков *шум*, *шума* – название лиственного леса, то есть «шумящий лес» (Фасмер).

И еще одно направление развития значения русинского *шумный* можно истолковать как *шумный* → «веселый, привлекающий к себе внимание» → «красивый, пышный» (то же и в чешском, польском) (Rejzek J.).

Не все очевидное сейчас подтверждается исторически. В нашем случае оказывается, что русинское *шум* (на воде) пена – заимствование через польский и чешский языки из средневерхненемецкого *schûm* пена (совр.нем. Schaum) (Фасмер). Русинское же *шум* шум, без сомнений, относится в словарях к праславянскому слою лексики. Сомнения вызывает неясность происхождения этого общеславянского образования. Кроме отвергнутых версий, есть предположение о звукоподражательном характере происхождения слова *шум* и предположение, что старшее значение могло быть не шум (ср. древнерусское шумъ буря, волнение на море (Остр. ев. и др.) (Черных).

К этим версиям можно добавить не учитывающееся в этимологических словарях славянских языков предположение В. И. Абаева о связи осетинского *sum|sum* звук, шум и молчание (диг.) со славянским *šumъ.

В связи с энантиосемией осетинского слова и имеющимися параллелями в европейских языках возникают новые горизонты поисков.

ЧЕШСКАЯ ТЕМА В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ: ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Евпак Е. В.

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

Настоящая работа посвящена исследованию дискурсивного восприятия русскими эмигрантами образа Чехии в аспекте лингвоперсоналогической вариативности¹.

Целью данного исследования является сравнительный анализ авторских дискурсивных практик русских эмигрантов в русле лингвоперсоналогической вариативности.

Материалом для исследования послужили мемуары, письма, а также творческое наследие Н. О. Лосского, М. И. Цветаевой, А. И. Бем, Б. Н. Лосского, Н. Г. Михайловского.

В исследовании лингвоперсоналогическая вариативность обсуждается в контексте научной методологии Кемеровской научной школы «Социально-когнитивное функционирование русского языка»²; а также научно-исследовательского опыта по эмигрантологии, связанного с изучением «художественного освоения чужой страны», «художественной этнографической рецепции»³; лингвокультурологии, дискурсологии и социолингвистики⁴.

В докладе отмечается, что текстовая реализация дискурсивных практик русских эмигрантов при репрезентации чешской темы показывает широкий диапазон лингвоперсоналогических ракурсов: в виде «зарисовки» прецедентных знаковых символов Чехии, метаязыковых комментариев на чешском языке, в размышлении о «движении к церковности в чешской среде», о характере чешского народа и др.

В этом ряду авторских лингвоперсоналогических «инсталляций» обращает на себя внимание рефлексия мыслителя, философа Н. О. Лосского: она представлена в виде чешских реалий; комментариев на чешском языке: *«В Збраславе мы жили на набережной Влтавы в доме, принадлежавшем Ф. Прохазке. Часть нижнего этажа была отдана под ресторан, а остальные комнаты сдавались внаем, так что дом этот был подобием отеля и назывался «Velká Hospoda» – («Большая харчевня» (чеш.). С самого начала завязал знакомство с русскими философами приват-доцент Карлова университета Ф. Пеликан, редактор журнала «Ruch Filosofický» – «Философское движение» (чеш.) и т. д.»*⁵

¹ Ким Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста: монография. – 3-е изд., испр. и доп. / Л. Г. Ким; Кемеровский государственный университет, 2012. – 272 с.

² Голев Н. Д. Ментально-психологические аспекты типологии языковой личности (к проблеме взаимоотношения языкового и персонного пространства // Языковая личность: Моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсоналогия. Ч 1 / Под ред. Н. Д. Голева и Н. Н. Шпильной. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – С. 10-33.

³ Забияко А. А., Цмыкал, О. Е. Поэтический этнографизм в лирике дальневосточных эмигрантов: лекарство от ностальгии // Rossica Olomucensia – Vol. LXI Časopis pro ruskou a slovanskou filologii. Num. 1–2 Olomouc 2022. S. 5-23.

⁴ Карасик В. И. Языковая лестница познания: монография. Москва: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2022 – 462 с.

⁵ Лосский Н. О. Воспоминания: Жизнь и философский путь. – М.: Викмо – Русский путь, 2008. – С. 210.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЮРИДИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ СТАРОБЕЛОРУССКИХ ТЕКСТОВ СТАТУТОВ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО)

Ерома Ж. И.

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва

Статуты Великого княжества Литовского – своды законов XVI в. Исследование проведено на материале рукописей на старобелорусском языке¹.

Нормативно-правовые предписания являются основной единицей юридического текста Статутов. Семантико-прагматической единицей текста является норма права, основной тип юридического высказывания. Норма права – один из видов директивных выражений, т.е. выражений, предписывающих, разрешающих или запрещающих определенный способ поведения кому-либо в случае наступления определенных обстоятельств.

Содержание нормы складывается из содержания ее частей: гипотезы, диспозиции, санкции. Структура сводится к формуле: «*Устанавливаем, если возникла ситуация А, то В следует С, иначе D*».

Гипотеза («*Устанавливаем, если возникла ситуация А*») указывает на условия возникновения прав и обязанностей, сводится к условному предложению с союзами «*если бы*», «*как ли бы*», «*кто бы*», «*кому бы*», «*который бы*», «*коли бы*».

Диспозиция («*то В следует С*») определяет права и обязанности, формирующие модель поведения. В этом случае речь идет о деонтической модальности высказывания, выражающего разрешение, обязанность, ослабленную обязанность, готовность, намерение. Модальность на уровне теории права может быть соотнесена с обязательной силой правовых норм. Обычно всякий раз, когда законодатель намерен запретить сторонам исключение или ограничение конкретного регулирования, он выражает это в формулировке предписания. В связи с этим обязательная сила закона предполагает использование соответствующих модальных слов. Когентная норма обязывает к определенному поведению абсолютным образом, содержит модальный глагол *(не)мети*. Диспозитивная норма права, имеющая относительно обязательную силу, применяется, когда сами стороны не урегулировали свои права и обязанности иным образом, или в том случае, когда стороны ничего не решили, либо лишь частично урегулировали правовые отношения. Содержит краткое прилагательное *(не)повинен*. Диспозитивные нормы выражают разрешение на определенное поведение, содержат модальные компоненты: глагол «*(не)может*», наречие «*вольно*», словосочетание с существительным «*воля*» («*тогда то у ее воли*», «*будет ли мети волю*»).

Санкция («*иначе D*») – это реакция на конкретное действие субъекта в виде наказания или поощрения в зависимости от того, действует ли он в соответствии или вопреки установленным правилам. Присутствует в охранительных нормах права. Нормы права реализуются в виде сложноподчиненных предложений с придаточными условия. Содержат модальное обязательство с глаголом *(не)мети*.

¹ Первый Литовский Статут: В 2 т. / Под ред. С.Лазутки, Э.Гудавичюса. – Вильнюс: Минитис, 1985-1991. Т. 1–2; Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Пад рэд. І.І.Доўнара, У.М. Сатоліна, Я.А. Юхо. – Мінск: Тэсей, 2003. – 352 с.; Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / Пад рэд. І.П.Шамякіна. – Мінск: БелСЭ, 1989. – 573 с.

ГИБРИДНЫЕ НОМИНАЦИИ В ЭРГОНИМАХ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ

Зубрицкая Е. В.

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград

Одним из новых феноменов, связанных с глобализацией, является интегрирование разноуровневых элементов английского языка с системами национальных языков. Наиболее яркое свое воплощение процесс гибридизации получает в названиях торговых заведений, формирующих лингвистический ландшафт городов.

Цель данного исследования – выявление степени присутствия гибридных наименований и анализ их типологии в сопоставительном, русско-польском аспекте. Объект изучения составили названия заведений индустрии красоты г. Калининграда и Троеграда (Гданьск–Гдыня–Сопот). Материалом исследования послужили данные онлайн-справочников указанных регионов. Для достижения цели исследования использовались мультимодальный, лингвокультурный и сравнительно-сопоставительный методы анализа.

Ведущими для определения уровней гибридизации были избраны положения о критериях определения гибридности, о моносемиотическом / полисемиотическом уровнях номинации, а также об интерпретации названий, состоящих полностью из английских слов и словосочетаний как «вкраплений», образующих внешний уровень гибридизации по отношению к принимающему языку¹.

Было установлено, что присутствие гибридных номинаций характерно как для Калининграда, так и для Троеграда, однако их количественный состав, а также разнообразие гибридных техник в калининградских эргонимах избранного сегмента значительно выше. Всего было выявлено 785 наименований предприятий индустрии красоты (салоны красоты, парикмахерские, барбершопы, спа-центры и т.п.), около 53 % которых (411 неймов) составили гибридные номинации различного типа. Из 520 польских неймов в данном сегменте только 21 % (109 неймов) представляют собой примеры гибридных номинаций.

Данное различие имеет под собой лингвистические основания: чаще всего в русских названиях сочетаются элементы кириллицы и латиницы, что невозможно в связи с принятым в Польше, как и для английского языка, латинским алфавитом.

Калининградский эргонимикон индустрии красоты отличается от польского также большим разнообразием техник гибридизации, в рамках которых миксируются не только элементы различных языков, но и элементы различных семиотических систем (*2face; Beauty Пространство #1; Sharm39; Spa.sibo; Он & Она* и др.)

Гибридные номинации в г. Калининграде и Троеграде используются в качестве аттрактора внимания потенциального потребителя, основываясь на оппозиции «свое / чужое», в рамках которых элементы «чужого» используются как свидетельство высокого, европейского качества обслуживания. Использование локализирующих элементов в данном сегменте незначительно, их роль сводится преимущественно к привлечению внимания потенциального потребителя за счет использования приемов языковой игры (*БАРИН & BARBER* в г. Калининграде или *FRYZMAKER* в Троеграде и под.).

¹ См. подробнее в: Шкапенко Т. М., Зубрицкая Е. В. Гибридные номинации в лингвистическом ландшафте г. Калининграда. – Мир русского слова. – 2021. – № 4. – С. 4-13.

СУРЖИК И ТРАСЯНКА В СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Калинин С. С.

Международный славянский институт, г. Москва

Некрасова М. Ю.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Вопрос о лингвистическом статусе таких идиомов, как суржик и трасянка, является дискуссионным. В разных источниках предложены различающиеся трактовки их статуса: так, Г. Хентшель в своей статье определяет трасянку как «белорусско-русскую смешанную речь»¹. Аналогичное мнение высказывает и С. дель Гаудио в своем исследовании², посвященном суржику. В. П. Коровушкин классифицирует суржик и трасянку как результаты интерференции, смешения и взаимоуподобления двух близкородственных языковых систем, называя их «стихийно русифицированными вариантами национального языка»³.

Мы предполагаем, что как суржик, так и трасянку следует классифицировать как отдельные формы смешанных языков, которые образуют отдельную группу внутри широкого класса смешанных языков. С одной стороны, они противопоставлены «классическим» смешанным языкам, известным под названием «переплетенных языков». Сюда можно, в частности, отнести медновский язык, образовавшийся, по всей видимости, в результате алеутско-русских языковых контактов. В нем достаточно легко выделяется та часть грамматики, которая наследуется из русского языка⁴: это словоизменительные показатели глагола, маркер отрицания, многие служебные и модальные слова, отдельные лексические единицы, синтаксические структуры простого и сложного предложения и многие др.

С другой стороны, суржик и трасянка типологически противопоставлены и различным пиджинам, сформировавшимся на основе русского языка (руссенорск, говорка, русско-китайский пиджин в различных вариантах). Для русских пиджинов – в особенности для их редуцированных форм – более характерно наличие изолирующей морфологии, которая по мере дальнейшего развития и расширения пиджина начинает проявлять тенденцию к анализу (в говорке сохраняются отдельные элементы синтетизма).

Вместе с тем, для суржика и трасянки характерна преемственность с грамматической системой каждого из языков, на основе которых сложились данные идиомы (русского и украинского, русского и белорусского, соответственно), несмотря на то что данные идиомы допускают достаточно широкую вариативность форм выражения как лексической, так и грамматической семантики.

Таким образом, особый статус суржика и трасянки достигается за счет интерференции между близкородственными языками и их смешения, за счет территориальной и социальной вариативности тех языков, на основе которых формируются данные идиомы, и за счет специфики условий коммуникации, в которой используются эти идиомы. С известной долей условности суржик и трасянку можно сблизить со смешанными идиомами, подобными канадскому шиаку: отличие будет заключаться в том, что в последнем случае интерференция происходит между языками, относящимися к различным группам внутри одной языковой семьи.

¹ Хентшель Г. Белорусский, русский и белорусско-русская смешанная речь // Вопросы языкознания. – 2013. – №1. – С. 53-76.

² дель Гаудио С. Украинско-русская смешанная речь «суржик» в системе взаимодействия украинского и русского языков // Slověne. – 2015. – №2. – С. 214-246.

³ Коровушкин В. П. Смешанные формы языка // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2012. – №2, Т.1. – С. 85.

⁴ Головкин Е. В., Вахтин Н. Б. Язык алеутов острова Медный // Контактологический энциклопедический словарь-справочник. Выпуск I: Северный регион. Языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в контактах с русским языком. – М.: АЗЪ, 1994. – С. 305.

ОЦЕНКА ВКЛАДА ДОМИНИРУЮЩИХ АУДИАЛЬНОЙ И ВИЗУАЛЬНОЙ МОДАЛЬНОСТЕЙ В СЕМАНТИКУ СЛОВ КОНТАКТИРУЮЩИХ ЯЗЫКОВ (СЛАВЯНСКО-ТЮРКСКОЕ ЯЗЫКОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ)

Коршунова И. С.

Томский государственный университет, г. Томск

Актуальность данного исследования обуславливается тем, что результаты языкового контактирования влияют на функционирование языка и впоследствии – на восприятие его единиц носителями языка. Одной из актуальных проблем, активно разрабатываемых в современной психолингвистике, является проблема отражения перцептивного опыта в семантике слов и факторов, воздействующих на данные процессы. Одним из таких факторов является билингвизм, наличие в ментальном лексиконе носителя языка двух систем, единицы которых могут влиять друг на друга. В докладе представлены результаты проверки гипотезы о возможном влиянии фактора билингвизма на оценку вклада модальностей восприятия в семантику слова.

Материалом для данного исследования послужили оценки вклада аудиальной и визуальной модальностей в семантику русских существительных, прилагательных и глаголов, полученные от носителей русского языка как родного, татарско-русских билингвов. Исследование выполнено на материале психолингвистической базы данных (ПБД) RuWordPerception¹. Ознакомиться с RuWordPerception можно по ссылке².

В ходе исследования были отобраны слова каждой части речи с доминирующей визуальной и аудиальной модальностями (значение средней оценки по параметру $\geq 3,5$), что позволило исключить из анализа амодальные слова и слова с низкими значениями по данным модальностям. В составе слов с доминирующей аудиальной и визуальной модальностями по оценкам носителей русского языка преобладают существительные, по оценкам, данным татарско-русскими билингвами, с доминирующей аудиальной модальностью также преобладают существительные, а с доминирующей визуальной модальностью – прилагательные.

Татарско-русские билингвы являются представителями херитажного типа билингвизма, находясь в среде функционирования русского языка, они находятся под влиянием своего материнского языка. Чтобы проследить это влияние, в докладе анализируется то, как носители русского языка как родного и татарско-русские билингвы оценивают вклад модальностей в семантику слов. Предполагается, что из-за влияния родного языка татарско-русские билингвы будут оценивать русские слова по-другому в сравнении с носителями русского языка.

В результате исследования было выявлено увеличение коэффициента корреляции в оценках двух групп респондентов в сравнении с анализом, проводимом на материале полного словника. В оценках, данных носителями русского языка как родного, коэффициент корреляции Спирмена изменился с -0,22 до -0,45 при анализе словника с аудиальной доминирующей модальностью; в оценках татарско-русскими билингвами коэффициент корреляции Спирмена изменился с -0,1 до -0,31 при анализе словника с аудиальной доминирующей модальностью (на материале русского словника).

Как можно видеть на материале русского языка, при оценке двумя группами респондентов получились умеренные отрицательные корреляции. Наблюдаются схожие тенденции в оценках двух групп респондентов, это могло произойти из-за особого типа билингвизма и уменьшения влияния материнского языка; общности социокультурных факторов.

¹ Резанова З. И., Машанло Т. Е., Степаненко А. А. Перцептивный компонент семантики существительных, прилагательных, глаголов русского языка в билингвальной перспективе (психолингвистическая база данных RuWordPerception) // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 450. – С. 49-57.

² <http://clingv.ru:3839/>

СЕМАНТИКА ВОСПРИЯТИЯ И ОЦЕНКИ В ПОЭЗИИ СЛАВЯНСКИХ СИМВОЛИСТОВ

Крюкова Л. Б.

Томский государственный университет, г. Томск

Семантика восприятия и оценки рассматриваются в докладе в аспекте текстовой деятельности. Демонстрируется, что языковые средства создания перцептивных образов являются инструментом анализа семантического пространства художественного произведения. Сопоставительный анализ оригинальных и переводных текстов свидетельствует об особенностях репрезентации художественной картины мира автора и переводчика, реализованных на разных текстовых уровнях. Цель доклада – показать, каким образом языковые средства создания перцептивных образов позволяют охарактеризовать художественную картину мира автора оригинального текста и перевода в рамках определенного литературного направления – символизма. Выявленные поэтические трансформации отражают специфику художественной перцептивности и оценочности в творчестве славянских символистов.

В первой части доклада речь идет об особенностях славянского символизма. Языковые средства выражения семантики восприятия и оценки рассматриваются на материале стихотворений чешского поэта-символиста Отокара Бржежины, словацкого поэта-символиста Ивана Краско и представителя русского символизма Константина Бальмонта. Именно перцептивные образы, включающие семантику оценки, являются ключевыми во всех рассматриваемых поэтических текстах (*седой туман, сумрак полярных ночей, душная неопределенность, серебро потока, чистота светил, шепот мечтаний, белый звон, золотые звезды* и др.).

В стихотворениях К. Бальмонта посредством перцептивных метафор описаны различные сферы человеческого существования (эмоциональная, физическая, интеллектуальная). Чувственное восприятие в поэзии И. Краско ориентировано на классификацию явлений, входящих в поле его зрения и воспринимаемых разумом. О. Бржежина с помощью сложной синестетической метафоры изображает другие миры, его философские художественные образы реализуют различные сенсорные ассоциации.

Сопоставительный анализ оригинальных и переводных стихотворений, представленный во второй части доклада, подтверждает значимость семантики восприятия и оценки в поэзии славянских символистов. Именно с помощью перцептивных образов моделируется содержательное и эмоциональное пространство поэтического произведения. Особое внимание уделяется переводам русского поэта-символиста К. Бальмонта, который с помощью перцептивных образов (не всегда дословно совпадающих с оригинальными) стремится отразить мистико-философское содержание оригинальных произведений О. Бржежины.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что перцептивные образы в поэзии славянских символистов отражают глубинное взаимодействие внутреннего и внешнего миров, становятся универсальными семантическими категориями, которые, с одной стороны, направляют процесс интерпретации реальности, моделируемой в поэтическом произведении, с другой – отражают особенности индивидуально-авторского мировосприятия. Сопоставительный анализ оригинального поэтического текста и его перевода поэтом того же направления, но носителем другого языка, позволяет говорить об «особом типе перцептивности», который характерен для символистского направления.

РУСИЗМЫ В КАРТИНЕ МИРА НОСИТЕЛЕЙ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Курьянович А. В.

Томский государственный педагогический университет, г. Томск

Явления культурного межъязыкового взаимодействия – интересный и многоплановый объект лингвистических исследований. Одним из наиболее активных и социально значимых процессов, способствующих познанию особенностей национальной языковой картины мира, является лексическое заимствование.

Китайский и русский языки типологически различны, контактирование между ними ограничено. Однако русизмы проникают в китайский язык, обогащают его лексическую систему и знакомят китайцев с русской национальной культурой. В целях изучения специфики осмысления носителями современного китайского языка наиболее употребительных русских заимствованных слов был проведен ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 60 студентов, изучающих русский язык как иностранный в педагогическом университете (г. Муданьцзян, Китай).

Информантам был предложен перечень, включающий 20 русизмов-стимулов, отобранных из словарей иностранных слов китайского языка. Эти слова репрезентируют отдельные фрагменты русской картины мира, связанные с такими сферами, как национальная кухня, общественно-политические реалии, выдающиеся исторические личности, географические объекты, предметы быта. Количественные результаты эксперимента таковы: *хлеб* (47¹ / 210²), *суп* (38 / 82), *квас* (24 / 90), *платье* (24 / 65), *Катюша* (21 / 72), *Пушкин* (20 / 173), *водка* (19 / 42), *рубль* (14 / 79), *колхоз* (13 / 45), *Кремль* (13 / 54), *ленинизм* (13 / 49), *Дума* (12 / 32), *космонавт* (12 / 50), *матрешка* (12 / 86), *Москва* (11 / 76), *православие* (11 / 49), *Чайковский* (9 / 23), *Юрий Гагарин* (8 / 49), *компартия* (7 / 69), *Волга* (6 / 65).

Каждый из таких фрагментов национальной картины мира содержит важную информацию о самобытности русского народа, его истории и культуре. Результаты эксперимента демонстрируют специфику их понимания представителями другой лингвокультуры. Приведем пример. Яркой особенностью русской национальной культуры является ее национальная кухня. Так, хлеб в русской культуре имеет символическое значение, а лексема-номинат – богатые культурные коннотации. Хлеб – еда, символ дружбы, знак приветствия, признания, награды. Отношение к хлебу в русском социуме всегда уважительное. В сознании китайцев хлеб – это прежде всего еда (24 из 47 однократных реакций). Хлеб, продаваемый в Китае, в отличие от русского, невкусен и не пользуется особым спросом. Китайцам, живущим в России, наоборот, русский хлеб очень нравится (ассоциат *вкусно* фигурирует при этом 21 раз). Среди реакций много слов, ассоциирующихся с мукой (*торт, бублик, пирог, пицца, гамбургер, печенье, тесто, хот-дог*) или продуктами для бутербродов (*ветчина, кетчуп, колбаса, салат*). Есть здесь и родовые наименования продукта (*продовольствие, блюдо, питание, пища, продукты*). Слово *хлеб* освоено китайским языком, однако для китайцев, даже побывавших в России, хлеб – это просто один из видов пищи и связан в их сознании только с названиями разнообразных продуктов.

Таким образом, на основании данных эксперимента можно сделать некоторые выводы, которые коррелируют с представлениями китайцев о русской культуре, отраженными в вариантах интерпретации ими единиц русской заимствованной лексики. При наблюдающихся смысловых переключках очевидны несовпадения в толкованиях ключевых смыслов исконными и вторичными языковыми личностями, что свидетельствует о неконгруэнтности двух лингвокультур и определяющем влиянии родной картины мира на процесс концептуализации данных.

¹ Количество неповторяющихся ассоциатов

² Общее количество реакций

СОМАТИЗМЫ В ЛЕКСИЧЕСКИХ ЯДРАХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Меркулова И. А.

Воронежский государственный университет, г. Воронеж

Известный афоризм «Человек – мера всех вещей» давно применяется лингвистами к языку. «Соматический, или телесный, код культуры – один из основных в классификации кодов по своей значимости во всех культурно-национальных картинах мира»¹. В этой связи интересно выяснить, какую роль играет тело человека в формировании лексико-семантической системы языка.

Наилучшим образом особенности лексико-семантической системы языка отражаются в ее ядре, выделить которое можно с помощью параметрического анализа словаря². В ядро попадают слова, имеющие высокие показатели системного веса на фоне всей лексики словаря. Таким образом, объектом исследования будут лексико-семантические ядра 14 славянских языков (размерность ядер при этом измеряется сотнями единиц). Предметом исследования является системная нагруженность соматизмов в этих ядрах.

Соматизмы занимают в ядрах славянских языков в среднем около 3 % всей лексики, при этом наибольшую представленность они имеют в ядрах русского и болгарского языков (более 5%).

Каждый соматизм характеризуется 2 величинами: 1) количеством языков, в котором он представлен, и 2) суммарным параметрическим весом (И-весом в этих языках). Умножение этих величин позволяет учесть их обе и ранжировать соматизмы по их произведению, предложено называть лингвопараметрическим весом (сокращенно – ЛПП-вес).

Наибольшую представленность имеет соматизм ‘голова’, вошедший в ядра сразу 9 языков. Следующие позиции занимает ‘лицо’ и ‘нос’, объединяющие ядра 7 языков.

Системно весомые соматизмы в славянских языках делятся на тотальные (относительно равномерно распределенные по всему телу: *кожа* – снаружи; *кости, кровь, кровеносные сосуды, жилы* – внутри) и локальные (все остальные), а также на семиотически важные три части – верх, середина и низ. К зоне верха относятся: *голова, рот, нос, лицо, глаз, ухо, горло, зуб, лоб*. К зоне середины относятся: *рука, шея, грудь, спина, бок, сердце, горб, плечо, живот, нутро*. К зоне низа относятся: *нога, пятка, зад. Палец и ноготь* могут быть локализованы одновременно и в середине, и внизу. Тотальные соматизмы не локализованы.

Соматизм, имеющий максимальный вес среди других соматизмов, можно считать доминантным. По ним славянские языки объединяются в группы. Восточнославянские языки и болгарский язык имеют общую доминанту – ‘лицо’, македонский, сербский, словенский, хорватский, верхнелужицкий, польский, словацкий и чешский – ‘голова’, кашубский, нижнелужицкий – ‘рука’. Таким образом, ни один из соматизмов зоны низа не входит в число доминантных в каком-либо славянском языке и ни один из доминантных соматизмов не входит в число уникальных.

¹ Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. – М., 2007. – С. 115

² Меркулова И. А. Лексико-семантические ядра славянских языков в сопоставительном аспекте. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2021. – 255 с.

ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ В ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ: МНОЖЕСТВЕННОСТЬ, ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ И ИЕРАРХИЯ ФАКТОРОВ ИЗМЕНЕНИЙ

Мечковская Н. Б.

Белорусский государственный университет, г. Минск (Беларусь)

У гуманитарного знания, и в том числе у лингвистики, есть жизненная потребность в причинно-следственных объяснениях истории своих объектов. Каузальные объяснения приоритетны, однако удовлетворение от них неполное. Задача доклада видится в том, чтобы показать необходимость при объяснении хотя бы только одного тренда или события в истории языка рассмотреть целый комплекс каузальных сил, различных по хронологии и релевантности. Будет показано, что количественные данные о различиях между родственности языками в степени лексической дивергенции, в насыщенности заимствованиями, полученные на материале эквивалентных текстов, позволяют делать каузальные объяснения более определенными.

1. Почему в ареале славянских языков диалектные различия максимальны на территории словенского языка? Современный лингво-диалектный ландшафт ареала группы родственных языков в существенной мере наследует то диалектное членение, которое сложилось в праязыке данной группы. Дивергенция славянских диалектов началась в праславянскую эпоху, при этом в южнославянском ареале она развилась раньше и была настолько глубокой, что «южнославянского языка никогда не существовало» (С. Б. Бернштейн).

Противоположная картина отмечается на востоке славянского континуума: те праславянские диалекты, на основе которых позже развились восточнославянские языки, расходились между собой минимально. В VI в. словенцы заселили предальпийскую часть Балканского полуострова, и вся история их языка проходила в интенсивных этноязыковых контактах. Словенцы смешивались с населением, говорившим на разных индоевропейских языках – иллирийских, романских, германских, греческих. В пограничных с территорией словенского языка землях распространялось неблизкородственное двуязычие; язык накапливал все больше отличий от славянской основы; внутри языка возникали и углублялись диалектные различия.

2. Почему контакты русского языка с финно-угорскими и тюркскими языками не привели к заметному отдалению русского языка от древнерусского, а также от двух других восточнославянских языков? Финно-угорские заимствования в русском усиливали отличия восточнославянского ареала от языков западных и южных славян, но, поскольку все финно-угорские заимствования со временем вошли также и в белорусский и украинский языки, то в целом это влияние не вело к дивергенции между восточнославянскими языками. В сравнении с финно-угорским влиянием, адстратное влияние тюркских языков на русский было более продолжительным и с большим числом заимствований – по моим данным, примерно 200-300 слов с непроизводной основой (без учета их морфемных дериватов). Десятки русских тюркизмов были усвоены украинским и белорусским языками. Результаты тюркского влияния противоречивы: они объединяют восточнославянские языки одним рядом заимствований и различают по составу других тюркизмов.

3. Почему современный русский язык отличается от древнерусского письменного языка Киевской Руси меньше, чем отличаются от него современные белорусский и украинский языки? Сопоставление текстов «Повести временных лет» на древнерусском, современном русском и белорусском показало, что в русском переводе лексические инновации (замены) составляют 16,8 % и 18,2 %, в то время как в белорусском – 30,2 % и 30,4 %. Причина: влияние финно-угорских и тюркских языков на русские диалекты было слабее, чем влияние польского, литовского, немецкого, словацкого, венгерского, молдавского языков на белорусские, а также украинские диалекты.

4. Почему в немецкой общеупотребительной лексике (в 9-тысячном словаре) в 2 раза меньше заимствований, чем в русском? Таковы просветительские традиции немецкой культуры. Неслучайно первые в западном христианстве переводы Евангелия на народный язык (IX в.) – немецкие.

РУСИНСКИЙ БОГ В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

Мокниенко В. М.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

Пословицы и поговорки русинского языка получили в последнее время не только многоаспектную интерпретацию, но и монографическое описание. Национальная специфичность, яркая образность, активное взаимодействие с другими славянскими (как восточнославянскими, так и западнославянскими) языками придает этой проблематике особую научную значимость. Погружение в историю и этимологию русинских паремий позволяет раскрыть в них ареальные напластования разных эпох и в то же время убедиться в устойчивости отдельных языковых элементов, сохранивших собственно русинские особенности.

Анализ русинской паремиологии, как показывает опыт, предполагает широкое межъязыковое сопоставление и выработку методики дифференциального подхода к каждой конкретной паремии. Покажем это на примере анализа активного паремиологического гнезда с компонентом *Бог*. Эта мифологема в славянском мире аккумулирует в себе самые разные представления о Творце мироздания – как христианские, так и реликтовое языческие описания. Такого рода симбиоз характерен и для русинской паремиологии с этим мифологическим компонентом. Здесь встречаются пословицы и поговорки, явно навеянные христианским воззрением, глубоко укоренившимся в жизни и быту русинов, и паремии, сохранившие дохристианские верования.

К числу первых, например, можно отнести пословицы *Бог тройцю любить, Богови божое, а кесарю кесарьово* (*Кесарю кесарьово, а Богу божое*), *Дасть Бог динь, дасть и пожиток начинь, Што Бог дасть, то то не напасть* и поговорки *Гріх уд Бога (буде), Ищи Божья рука на тя впаде, Кого нашто Бог дав, Най Бог заварує, Най вам Бог помыгать, Хвала Богу* и под. Разумеется, некоторые из таких паремий представляют собой не прямые прецедентные тексты из Библии, а их варианты, требующие специальной лингвистической расшифровки.

Не менее, а, быть может, даже более интенсивно представлены в русинском языке паремии с компонентом *Бог*, либо отражающие дохристианские представления-мифологемы, либо заимствования (resp. кальки) из других языков. Таковы пословицы *Бог не йде палицьов бити, Бог першый, а сусід другий* (*Першый – Бог а другий – сусід*), *Божє, кідь'ись ми дав зубы, та дай и хліба, Дав Бог Юря, не замерзне куря, Не свічка стане сперед Богом, а стане душа* и поговорки *Гадав имити Бога за пазуху, а имив чорта за хвіст* (*Думов, ош имив Бога за пазуху, а вўн имив чорта за хвіст*), *Най вам Бог сохташ подержить, Ни Богу на хвалу, ни людьом на радість* и под.

В докладе русинским пословицам и поговоркам избранного типа будет дан комплексный анализ на фоне сопоставления с другими языками. Затемненная образность некоторых из них будет расшифрована.

УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ СЛАВЯН В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ СЛОВАРЕ БИБЛЕИЗМОВ (СПБГУ)

Никитина Т. Г.

Псковский государственный университет, г. Псков

Актуальность сопоставительного изучения и словарного описания устойчивых сравнений, или компаративных фразеологизмов, с компонентами-библеизмами определяется культурно-исторической ценностью этого материала, свидетельствующего как об общности образной интерпретации библейского наследия, так и об этнокультурной специфике его восприятия славянскими народами. Устойчивые сравнения с образными стержнями-библеизмами, которые все чаще становятся объектом сопоставительных исследований (И. В. Кузнецова, Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко и др.), редко находят отражение в двуязычных и многоязычных словарях библеизмов.

Цель данного исследования – обоснование алгоритма предлексикографической подготовки материала и разработка модели репрезентации устойчивых сравнений в сопоставительном словаре библеизмов – лексических и фразеологических единиц. На данном этапе исследования его материалом стали русские, украинские, белорусские и чешские устойчивые сравнения с антропонимами-библеизмами, извлеченные из словарей фразеологизмов и пословиц. Анализ материала, предвещающий этап лексикографирования, предполагает группировку материала по образным стержням-антропонимам, выявление полных межъязыковых эквивалентов, частичных различий в образной структуре устойчивых сравнений и безэквивалентных национально-специфических оборотов.

Стержневой принцип расположения материала в словаре позволит сделать выводы о фразеологической активности библеизмов в славянских языках. Поскольку в составе устойчивых сравнений библеизм выступает в роли эталона сравнения, то этноспецифические обороты одного языка и соответствующие лакуны другого будут свидетельствовать об особенностях трактовки библейских образов народным сознанием, а выбор мотивировочного признака в акте компаративного фразеологического образования покажет аксиологические параметры восприятия библейского персонажа. Так, в чешском сравнении актуализируется мотив болезни Лазаря: *byt (lezet) jako Lazar* – буквально: *быть (лежать) как Лазарь* – ‘о больном, обессилевшем человеке, лежащем и не способном встать’¹, тогда как для русских более значимым оказался признак материального положения (*бедный как Лазарь*) и линия поведения персонажа: *Лазарем неть; прикидываться Лазарем* – ‘о человеке, постоянно жалующемся, притворяющемся несчастным, старающемся разжалобить кого-л.’².

В традиционном бумажном формате целесообразна реализация дву- или трехязычного сопоставительного словаря библеизмов с традиционной подачей эквивалентов в строке и репрезентацией этноспецифических единиц параллельно в колонках. Электронный вариант словаря обеспечит параллельное подключение и большего количества языков.

¹ Slovník české frazeologie a idiomatiky. Přírovnání / Red. F. Cermák. – Praha: Academia, 1983. – С.186.

² Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – С. 334.

СЛАВЯНСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В НЕСЛАВЯНСКОМ ОКРУЖЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧИ РУССКИХ И ИХ ПОТОМКОВ В СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКОМ АВТОНОМНОМ РАЙОНЕ КНР В XX И НАЧАЛЕ XXI ВВ.)

Оглезнева Е. А.

Томский государственный архитектурно-строительный университет, г. Томск

Гордеев С. В.

Хэйхэский университет, г. Хэйхэ (Китай)

В докладе представлена типология языковых личностей русских и их потомков, проживающих на территории современного Синьцзян-Уйгурского автономного района в Китае. Русские, представители восточнославянской языковой группы, на протяжении длительного времени, с середины XIX в. до настоящего времени, живут в Синьцзяне в окружении носителей 53 генетически неродственных (сино-тибетских, алтайских, тайских, австроазиатских) и типологически отличных (изолирующих и агглютинирующих) языков и сохраняют родной язык.

Актуальность исследования определяется необходимостью выявления собственно лингвистических и экстралингвистических факторов, определивших высокую степень витальности индоевропейского флективного славянского языка – русского – в нетипичных условиях языкового существования, а именно – вне метрополии, на исторически неисконной территории, в ситуации выраженного многоязычия.

Объектом анализа выступают языковые личности русских и их потомков, проживающие в настоящее время в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР, КНР).

Источником для изучения русского языка в Синьцзяне выступили записи устной речи проживающих там русских и их потомков. Записи были сделаны в городах Кульджа и Урумчи во время научной экспедиции в СУАР в 2018 г.

Новизна исследования определяется неизученностью языкового существования русскоязычного анклава в Синьцзяне, а также полученными новыми данными для социолингвистики и лингвистической эмигрантологии, позволяющими выполнить сравнительно-сопоставительный анализ состояния и степени сохранности русского языка в русскоязычных анклавах на территории Китая и на других территориях за пределами метрополии.

Изучение языковых личностей русских и их потомков осуществлено на фоне нестандартной языковой ситуации с участием демографически маломощного, но демонстрирующего высокую коммуникативную мощь русского языка – языка немногочисленного славянского этноса в Синьцзяне.

Выявлено несколько типов языковых личностей русских и их потомков в современном Синьцзяне. Основанием для типологии языковых личностей послужил набор имеющихся в их речевом арсенале языковых компетенций.

Типичной особенностью русскоговорящих языковых личностей в многонациональном СУАР является их многоязычие: они владеют не только русским языком, но и другими языками (например, китайским и уйгурским; или китайским, уйгурским и казахским).

Отличительной чертой русскоязычного анклава в Синьцзяне является сохранение этнических русских до третьего поколения, хорошо говорящих на русском языке, несмотря на рождение и жизнь вне метрополии.

КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ РЕЦЕПЦИИ: ЯЗЫКОВЫЕ ИГРЫ С КВАЗИОБСЦЕНИЗМАМИ

Орлова О. В.

Томский государственный архитектурно-строительный университет, г. Томск

Наивная (обыденная, народная) лингвистика включает в себя, наряду с другими направлениями, и наивную лингводидактику – совокупность обыденных воззрений, представлений, мнений языкового коллектива по поводу процесса и результата изучения родного и иностранных языков. Неформальные метаязыковые высказывания, содержащие рефлексии по поводу изучаемого (институционально или стихийно) иностранного языка, показательны не только в плане диалога лингвокультур, но, прежде всего, в плане лингвокультурной рецепции чужого языка «в зеркале» родного, закономерно представляющегося самым красивым, богатым и точным, а также истинным и правильным.

Родной язык выступает идеальным образцом при восприятии языка чужого, в том числе – эталоном системы фонетических единиц, правил их сочленения в звучащей речи и облечения мысли в артикулируемое слово. В то же время объективная ограниченность состава фонем в человеческих языках обуславливает большое количество случайных звуковых совпадений и сближений между словами и речевыми фрагментами родного и чужих языков. Эти два фактора лежат в основе псевдо- и паранаучного интерпретационизма, в наивной лингводидактике иностранных языков выражающегося в рефлексиях в духе народной этимологии, а также в различных языковых играх вокруг и около случайных звуковых корреляций.

Что касается русскоязычной лингвокультурной рецепции китайского языка, то наиболее экспрессивно заряженными и расположенными к лингвистической геймификации становятся многочисленные факты созвучия китайских слов и коллокаций с русскими обсценизмами и дисфемизмами. В основе большинства шуток с квазиобсценизмами лежит гедонистический эффект легального нарушения языкового табу, когда публичное произнесение запретного звукокомплекса не вызывает общественного порицания, но поощряется как знак владения иностранным языком.

Владение китайским и коммуникация с приобщенными к китайскому языку и культуре русскоязычными позволяет зашифровывать неприлично звучащие в русском языке слова в эвфемизмы разного уровня креативности: от простой иероглифической замены до межъязыковых гибридов, мастерски обыгрывающих и смысл, и форму языковых знаков.

Образование окказиональных квазиобсценизмов на основе ассоциаций с языковой формой, например, словообразовательной моделью русских ненормативных глаголов, служит ярким доказательством тезиса о присущем русскоязычной лингвокультуре формальному критерию отнесения лексики к табу, когда табуированной является по преимуществу именно форма, а не содержание слова.

ТВОРЧЕСТВО ЧЕШСКОГО ПОЭТА ВИТЕЗЛАВА НЕЗВАЛА КАК ПРЕДМЕТ ИСКУССТВА (В РАМКАХ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА)

Осипова О. А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Поэзия, как известно, является видом словесного художественного творчества и частью искусства. Искусство в современном мире является частью мировой культуры. Философия культуры рассматривает искусство как целостный феномен. Эта целостность обосновывается применением системно-философского подхода, который помогает увидеть искусство как системное образование в рамках культуры, которая рассматривается с позиции ноосферного учения. Синергетический подход, в свою очередь, помогает, во-первых, внедрить в область культуры инновационные методы и технологии, во-вторых, сопоставить разные проявления культуры и увидеть в них не только различия, но и единство. Данный доклад представляет собой попытку рассмотрения творчества чешского поэта Витезслава Незвала не как поэзию, а как произведение других видов искусства.

Точно так же, как образ, запечатленный на картине, может многое сказать умеющему его прочесть, так же и стих, созданный умелым мастером, способен передавать зримый образ. Применяв к творчеству В. Незвала характеристики направлений живописи, которые были особенно популярны в начале XX века, мы увидим, что стихи В. Незвала разворачиваются в картины и иллюстрации, аналогичные творчеству художников-авангардистов начала XX века.

Следующий эффект стихов В. Незвала хорошо описывается теорией кино, в частности понятием «кинема» П. П. Пазолини. Мы можем наблюдать противопоставление вербальных и невербальных компонентов, смену масштаба от кадра к кадру. В некоторых стихах при обильном количестве деталей от читателя начинает ускользать смысл слов, а акценты падают лишь на определенные выхваченные «кадры». Задача стиха – отойти от текста как можно дальше, представить субъективное видение камеры, как будто она смотрит глазами персонажа (например, «Васильки и города»).

Наконец, нельзя игнорировать многочисленные музыкальные эффекты в поэзии В. Незвала, прекрасно игравшего на рояле. Во-первых, в докладе анализируются стихотворения, в которых В. Незвал применяет 12-тактовый квадрат блюза, во-вторых, приводятся примеры использования поэтом так называемого стоп-тайма – традиционной блюзовой аранжировки, применяемой в блюзе, джазе и ритм-энд-блюзе.

Из доклада явствует, что В. Незвал обладает удивительным качеством – умением концентрироваться на внутренней эмоции, внутреннем ощущении и умением выразить это ощущение самыми разнообразными способами. Как пианист играет на фортепиано, так и В. Незвал, как художник в самом широком смысле этого слова, способен играть, рисовать при помощи слов. Его стихи можно воспринимать как симфонии, картины, фотографии, кинокадры. Синергетический подход позволяет оценить В. Незвала как художника, способного не только воплощать единство биосферы и ноосферы (по В. И. Вернадскому), но и коннотировать эту связь на высочайшем уровне проявления человеческого духа.

БЛИЗКОРОДСТВЕННАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В СФЕРЕ ГЛАГОЛА: ПОЛЬСКО-УКРАИНСКИЙ КОНТАКТ В XIX В.

Остапчук О. А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Специфическая языковая ситуация на украинском Правобережье в середине XIX в. создала условия для появления украинско-польского литературного билингвизма в творчестве ряда писателей так называемой украинской школы (Т. Падурра, С. Осташевский и др.). Уникальность исследуемого в докладе языкового материала состоит, в частности, в наличии параллельных текстов на двух языках, что позволяет по-новому взглянуть на лингвистические последствия близкородственного контакта. Часть анализируемых текстов представляют собой автопереводы (как в случае с «украинками» Т. Падурры), часть относится к первым переводам с украинского на польский и с польского на украинский языки (в том числе переводы А. Мицкевича). При этом характерной особенностью анализируемых текстов на украинском языке является их ненормативный характер, стремление авторов к воспроизведению речевых особенностей (диалектной) народной речи украинского Подолья.

В фокусе доклада находятся факты польско-украинской грамматической интерференции, выявленные в системе глагола при выражении ряда категорий, в частности категории лица (например, появление личных окончаний в прошедшем времени в украинских текстах у С. Осташевского: *писав-єм (pysaueu) для себе*, ср. польское *pisalem*).

Предполагается также рассмотреть специфику рефлексивных дериватов в текстах на обоих языках (включая отраженные в украинских текстах специфические особенности их спряжения) и усиление вариативности в данной сфере, вызывающей сдвиги в оппозиции возвратных и невозвратных глаголов.

Особое внимание планируется уделить соотношению видовременных форм глагола в анализируемых текстах (так, нередко украинским формам несовершенного вида в польском тексте соответствуют формы совершенного вида: ср. *prosyūna obid – zaprosił*; возможны также взаимные трансформации прошедшего / настоящего исторического времени), а также соотношению причастных форм в параллельных текстах.

Анализ показал, что взаимодействие польского и украинского языков в сфере глагола проявляется также в целом ряде других особенностей, включая заимствования, в подавляющем большинстве случаев представляющие собой кальки (украинское *prypało tak* – польское *przypadło*), кроме того, разнообразные гибридные образования (типа *prokinui sia w dida* ср. украинское *перекинувся* – польское *przerzucił się*).

Сопоставление глагольных форм в параллельных текстах на украинском и польском языках способно пролить дополнительный свет на характер зафиксированных в них специфических новообразований. В ходе анализа решается вопрос об отнесении выявленных особенностей к архаизмам (диалектизмам) или инновациям, в том числе возникшим под влиянием другого языка. Исследовательская задача состоит в установлении направления такого влияния и в описании польско-украинского языкового взаимодействия в глагольной сфере, находящего, в частности, свое выражение в литературных текстах данного периода.

ДУБЛЕТНОСТЬ ВИДОВРЕМЕННЫХ ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ИЗМЕНЕНИЯ ВИДОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Островская Н. В.

Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск

Исследование посвящено выявлению специфических особенностей видовременной системы церковнославянского языка с точки зрения аспектологической семантики глагольных форм прошедшего времени; а также описанию функционирования глагольных префиксов в определенных контекстах. Цель нашего исследования исследовать дублетность глагольных форм прошедшего времени как показатель изменения видовременной системы церковнославянского языка.

Для изучения морфологического феномена дублетности видовых маркеров мы разделили глаголы на несколько лексических групп. На примере контекстуальных употреблений церковнославянских форм аориста с префиксами *у-*, *за-*, *с-*, *по-* мы исследуем изменение значений и функций данных префиксов в морфологической структуре глагольной формы. Под внутренней дублетностью понимается совмещение в одной грамматической форме двух маркеров, выражающих одно грамматическое значение: глагольных префиксов и показателей формы аориста.

Материалом исследования послужили контекстуальные употребления форм аориста, имеющих место в текстах книги Бытия и Деяний Святых Апостолов в составе Петровско-Елизаветинской и Острожской Библии. В тексте Книги Бытия было исследовано 887 контекстуальных употреблений. К каждой славянской форме приведено ее соответствие в греческом тексте. В тексте Деяний Святых Апостолов исследовано 496 контекстуальных употреблений. В процессе работы составлены сводные таблицы глагольных форм прошедшего времени, представленные в исследуемых текстах, и определены те формы, где категория вида представлена дублирующими друг друга морфологическими маркерами, а также формы с вариантными префиксами, встречающиеся в обоих текстах.

Первой исследуемой группой являются глаголы с префиксами *по-* и *из-*, которые передают беспрефиксальные греческие глаголы. Префиксы *по-* и *из-* не модифицируют лексическое значение глагола. Их основная функция – выражение видового значения, выражение характера протекания действия в прошлом, что в оригинальном греческом тексте передано только формой аориста. При употреблении форм аориста с данными префиксами в церковнославянском тексте создается дублетность способов передачи видового значения.

Второй исследуемой группой префиксальных глаголов являются глаголы с префиксом *с-*. Глаголы с префиксом *с-*, как и глаголы с префиксом *по-*, употребленные в форме аориста, могут служить примером того, что в церковнославянском тексте представлены дублетные формы выражения видового значения, т. е. его выражение с помощью формы аориста и префикса, чего не было в тексте греческого оригинала. Можно отметить, что в некоторых формах с префиксами *у-* и *за-*, где они утратили такие значения, как пространственное, временное, количественное, на первый план выходит именно видовое значение префикса, что вместе с формой аориста создает дублетность формы.

В ходе исследования мы пришли к следующему выводу: видовременную систему церковнославянского языка, в отличие от греческого, характеризуют явления внутренней дублетности видовых маркеров внутри самой формы (глагольный префикс и форма прошедшего времени). Исторические явления развития глагольной системы церковнославянского языка являются причиной дублетности глагольной формы. Внутренняя дублетность как явление, характеризующее периферию глагольной системы церковнославянского языка, не противостоит его ядру – системе временных глагольных форм, а показывает ее изменение под давлением устной стихии древнерусского языка.

МЕТОД ЭТАЛОНА И ДЕВИАЦИЙ В ПОСТРОЕНИИ АКЦЕНТНЫХ ГРАММАТИК СРЕДНЕВЕКОВЫХ СЛАВЯНСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Пекунова И. С.

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

В докладе демонстрируется применение принципа построения так называемых «эталонных» описаний в сфере акцентной грамматики средневековых славянских письменных памятников и раскрываются преимущества такого подхода как инструмента научного исследования.

Известно, что в атрибуции южнославянских рукописей, вплоть до XVI–XVII веков, как сербских или болгарских значительную роль играет акцентуация. Дело в том, что графическая система часто употребляется как некая наддиалектная норма и, таким образом, может маскировать собственно фонетические особенности памятника, тогда как расстановка акцентных знаков в целом, как правило, отражает фактическое место ударения, в частности, не копируется из оригинала при переписывании и не подчиняется каким-либо жестким нормативам. Такой вывод может быть подтвержден среди прочего наличием большого числа рукописей сербской орфографии, акцентуированных по-болгарски (вероятно, писцами-болгарами, работавшими в сербских скрипториях, что было весьма распространено после турецкого завоевания Болгарии).

Вместе с тем, наряду с основной акцентной системой, представленной в памятнике, здесь, как и в случае анализа фонетико-орфографических явлений, могут проявляться некоторые отклонения от общих правил, в том числе, возможно, обусловленные теми или иными диалектными влияниями.

Различный статус отклонений в сфере акцента и в сфере графико-орфографической обусловлен тем, что акцентная система, в отличие от графико-орфографической, не была нормативной. В отсутствии обязательной нормы разного рода колебания могли беспрепятственно отражаться в письменном тексте, что, к сожалению, часто снижает акцентологическую значимость данных южнославянских рукописей.

Однако в ряде случаев оказывается возможным выстроить как бы внутреннюю иерархию акцентных систем, используемых в памятнике, и высказать предположения о том, каково могло быть реальное соотношение этих систем. В этом случае одна система оказывается основной – эталонной для данной рукописи, а те или иные наложения – девиациями, допускающими ту или иную интерпретацию их возникновения.

В докладе описанные общие положения будут проиллюстрированы на материале анализа акцентовки и-глаголов в двух сербских памятниках XV века. Оказывается, что при основной, несомненно сербской акцентной системе, в одном из двух, в целом весьма близких между собой памятников, наблюдаются девиации, касающиеся по крайней мере трех разных зон парадигмы, но при этом во всех трех случаях допускающие интерпретацию через влияние так называемых «восточно-болгарских» диалектов.

Своего рода однонаправленность выявленных девиаций глагольного ударения вместе с рядом особенностей основной, эталонной, системы акцентовки позволяет предполагать происхождение диалекта писца из пограничной сербско-македонской зоны крайнего юга сербской территории.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ СЛАВЯНСКИХ ДИАЛЕКТОВ В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ: МЕЖДУ СОХРАНЕНИЕМ ИСХОДНОЙ СИСТЕМЫ И ИННОВАЦИЯМИ

Пилипенко Г. П.

Институт славяноведения Российской академии наук, г. Москва

В странах Южной Америки существуют общины потомков славянских переселенцев, которые образуют компактные области расселения и одновременно находятся в контакте с другими этническими группами. В докладе речь идет о нескольких славянских общинах, среди которых автор проводил полевые исследования. За период четырех экспедиционных сезонов с 2015 г. удалось задокументировать речь южнорусских переселенцев в департаменте Рио-Негро (Уругвай), переселенцев русских старообрядцев-часовенных (Уругвай), потомков мигрантов, носителей южноволынского и поднестриевского диалектов украинского языка (Аргентина, Парагвай, Уругвай), потомков белорусов (Аргентина), носителей малопольского диалекта и польских периферийных говоров (Аргентина, Парагвай), носителей чакавского и штокавского наречия хорватского языка (Аргентина, Чили), говорящих на словенских диалектах Прекмурья и словенской приморской зоны (Аргентина).

С собеседниками проводились полуструктурированные интервью на темы языковой биографии, сохранности традиционной духовной и материальной культуры, семейных историй, истории общины и переселений. Всего было записано более 250 часов аудио и видеоматериала.

Целью доклада является выявление наиболее устойчивых исконных диалектных черт, а также явлений, более всего подверженных иноязычному влиянию. С одной стороны, обследованные диалекты сохраняют черты материнских ареалов в том виде, в котором они существовали на момент переселения (более 100–120 лет назад) без воздействия литературного языка метрополии, с другой стороны, они находятся в постоянном контакте с испанским языком.

В докладе анализируются высказывания информантов с наибольшей сохранностью диалектных черт. Например, у хорватов, потомков выходцев из Далмации, фиксируется икавский рефлекс **ě > i* (*kad san bija dite* «когда я был ребенок»), *t'* в соответствии с литературным хорватским *ć* (*za kut'u hot'u ret'* «о доме я хочу сказать»), окончание *-ov* у существительных м.р. род.п. мн.ч. (*pet jezikov govorite* «вы говорите на пяти языках»); у поляков отмечается мазурение (*davn'ij to inace rub'il'i* «раньше это делали по-другому»), окончание глаголов 2 л. мн.ч. *-ta* (*ž'e vy iž'eta* «куда вы идете»).

Также в докладе представлены и проанализированы примеры, содержащие заимствованные элементы из испанского языка, в том числе с переключением кода (белорусское *z yétoyo vyc'ayál'i asejtu dl'a krask'i* «из этого получали масло для краски» (испанское *aceite* – масло); *naučyč'él'ka um'éla yavarýc' pa pól'sk'i, pa rúsk'i razum'éla i nas učyla, tal cosa castellano, y así aprendimos* «учительница умела говорить по-польски, по-русски она понимала и нас учила, это так по-испански, и там мы выучили (испанский)»). Предполагается показать общие и специфические для каждого из славянских языков модели адаптации испанских элементов.

СИНЕСТЕЗИЙНАЯ МЕТАФОРА ПЕРЦЕПТИВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ)

Поляк Т. В.

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград

Целью исследования является изучение универсальных и этноспецифичных механизмов синестезийной метафоризации перцептивных прилагательных в польском и русском языках. Объект анализа составили прилагательные модуса осязания (*горячий / холодный, тяжелый / легкий, острый / тупой, gorący / zimny, ciężki / lekki, ostry / tępy*). Источником анализируемого материала явились данные различных словарей и национальных корпусов русского и польского языков. В процессе анализа применялись методы функционально-семантического, дефиниционного, контекстуального и сравнительно-сопоставительного анализа, позволившие прийти к следующим выводам.

Осязательная перцепция имеет большую значимость в процессе восприятия человеком окружающего мира. Осязание является первичным по отношению к другим модусам, что подтверждается переносом осязательного признака в другие перцептивные области. Основным видом синестезии перцептивных прилагательных является тактильно-зрительный перенос, наблюдающийся во всех проанализированных польских и русских прилагательных (*тяжелая сумка, тяжелые облака / ciężka torba, ciężkie chmury* и т.п.). Менее регулярными являются переносы с области осязания на область слуха (*тяжелый гул / ciężki dźwięk*), вкуса (*тяжелый ужин / ciężka kolacja*) или обоняния (*тяжелый запах / ciężki zapach*).

У всех анализируемых прилагательных чрезвычайно развита область слабой синтезии, основанной на рационально-эмоциональной метафоре. При этом в переносе значений прилагательных *горячий, легкий, острый (gorący lekki, ostry)* преобладает позитивная оценочность, в то время как при переносе значений прилагательных *холодный, тяжелый и тупой (zimny, ciężki, tępy)* преобладает негативная оценочность. В рамках рационально-эмоциональной метафоры в обоих языках возникают терминологические обозначения (*тяжелый крейсер, тяжелый танк / ciężki krążownik, czołg, горячее копчение / gorące wędzenie*).

При почти полном изоморфизме синестезийных переносов в двух языках наблюдаются также определенные отличия, фиксируемые в семантической структуре прилагательных *lekki / łatwy* и прилагательного *ostry*, деривационное развитие которого значительным образом расходится с развитием в русском языке, где соответствует прилагательным *резкий* (слова), *крутой* (склон) и т. п.

Сопоставительный анализ выявил, что единство процессов познания, основанного на модусах перцептивной системы человека, обуславливает сходство в механизмах синестезийных переносов, в то время как лингвистические и социокультурные факторы предопределяют конкретные отличия в способах реализации синестезийной метафоры.

КОНТАКТЫ ЯЗЫКОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКОВОГО И МЕТАЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ БИЛИНГВОВ (СЛАВЯНСКО-ТЮРКСКОЕ ЯЗЫКОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ)

Резанова З. И.

Томский государственный университет, г. Томск

В современной теории языкового контактирования и в соответствующих разделах социалингвистики отмечается, что контактирование языков реализуется в речевых практиках говорящих на этих языках людей, то есть билингвов. Теоретики языкового контактирования выделяют эти два аспекта в его изучении, вполне соотносимые с гумбольдтианской антиномией языка-продукта и языка-деятельности. В докладе анализируется речевой аспект языкового контактирования, реализуемый в речевых практика билингвов, в также процесс взаимодействия языков (ментальных лексиконов) в билингвальном сознании.

Задачей исследования является представление ситуации контактирования языков сквозь призму языкового и метаязыкового сознания билингвов. Данная задача решается на основе анализа одного из вариантов языкового контактирования – русско-тюркского, в условиях языковой ситуации с доминированием русского языка, который для билингвов является вторым, приобретаемым, а родные языки, перемещаясь в позиции языков семейного общения, переживают процессы аттриции.

Источниками нашего анализа являются ресурсы, созданные в лаборатории лингвистической антропологии ТГУ: морфологически размеченный бимодальный корпус русской устной речи (объем 498 часов звучания, чему соответствует 2611472 словоупотреблений), Социалингвистическая база данных (ответы 243 человек по 168 переменным), данные поведенческих психолингвистических экспериментов. Ответы респондентов, представленные в психолингвистической базе данных, корпусные данные являются основой выявления показаний метаязыкового сознания. Вместе с тем, корпусные данные, наряду с результатами проведенных психолингвистических экспериментов, анализируются в аспекте опосредствованного представления особенностей языкового сознания билингвов – своеобразия когнитивной обработки грамматики единиц языка.

Отклонения от речевого стандарта в спонтанной устной речи и различия в процессах чтения предложений с такими ошибками интерпретируются как внешние показания влияния родного языка на процессы когнитивной обработки единиц второго языка в языковом сознании билингва. В докладе данные процессы характеризуются на примере когнитивной обработки грамматической категории рода в русском языке.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют, что, при наличии существенных различий в грамматических структурах родного и осваиваемого языков, эти аспекты чрезвычайно редко попадают в сферу языкового сознания. Специфика когнитивной обработки категории рода, отсутствующей в родных языках билингвов, продемонстрирована в процессах как порождения, так и восприятия единиц второго (русского) языка.

РЕФЛЕКСЫ ПРАСЛАВЯНСКОГО *(v)ONJA В СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Садыкова И. В.

Томский государственный университет, г. Томск

Вопрос тесной взаимосвязи языка и мышления остается в центре внимания лингвистов до настоящего времени, так как именно язык является одним из инструментов, с помощью которого человек может представить, как он познает, осваивает и изменяет окружающую его среду. Ведь в языке, например, в семантическом наполнении его единиц, отражаются происходящие в реальном мире изменения. Следовательно, анализ изменений в семантическом наполнении лексических единиц является актуальным в современной лингвистике.

Цель настоящего исследования – рассмотреть пути семантической деривации родственных лексем на примере одного фрагмента лексической системы в славянских языках.

В качестве материалов исследования использованы лексикографические данные двуязычных, толковых, исторических, этимологических словарей славянских языков, а также индоевропейских языков.

Лексикографические источники свидетельствуют о том, что рефлекс праславянского имени *(v)onja засвидетельствованы в большинстве современных славянских языков. Но употребительность, деривационная активность и семантика производных лексем различаются в группах славянских языков.

Так, восточнославянские языки по-разному сохранили рассматриваемое праславянское имя. В современном белорусском языке не употребляется ни само это слово, ни его производные. В украинском языке существительное *вонь* и его производные (*вонючий*, *воняти*) используются редко, при этом в разговорном языке. В русинском языке функционирует и лексема *воня* «вонь, душок, неприятный запах», и производное прилагательное *вонячий*, и глагол *воняти* с приставочными производными *заво́няти*, *наво́няти*, *пово́нёвати*, *прово́няти*. В русском же языке рефлекс праславянского *(v)onja (*вонь*, др.-рус. *воня*) находится в активном словаре и сформировал вокруг себя достаточно большое словообразовательное гнездо (18 единиц на современном этапе). Семантика слов в восточнославянских языках связана преимущественно с обозначением неприятного запаха, который воспринимается обонянием. На основе этого значения в русинском языке у прилагательного *вонячий* возникло переносное значение «тухлый», а в у русского глагола *вонять* – «возмущаться, перечить; возникать».

Современные болгарский, сербо-хорватский, словенский языки имеют соответствующие продолжения праславянского *(v)onja, при этом болгарское *воня*, как и русская лексема, называет неприятный запах и образует целый ряд дериватов; сербо-хорватское *вѣнь* (м), *вѣња* (ж) именуется вообще запах, а производный глагол *вѣњати* обозначает не только способность издавать запах («пахнуть»), но и способность целенаправленно воспринимать его («нюхать, вдыхать запах»); в словенском же языке лексемы *vonj*, *vonjati*, *vonjava* находятся на периферии.

Западнославянские лексемы, восходящие к праславянскому *(v)onja, в основном служат для обозначения приятного запаха, благоухания: польское *woń*, чешское *vůně*, словацкое *vôňa*. Отметим, что в словацком языке у производного глагола *zavoňat'* возникло значение, которое называет общую перцепцию – «почуять».

Таковы предварительные результаты проведенного анализа, которые будут дополнены в докладе.

ГЛАГОЛЫ С ПРОСПЕКТИВНОЙ СЕМАНТИКОЙ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ, СТАРОСЛАВЯНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Серышева Ю. В.

Томский политехнический университет, г. Томск

Сухорукова Ю. А.

Томский государственный архитектурно-строительный университет, г. Томск

Филь Ю.В.

Томский государственный университет, г. Томск

Доклад посвящен одному из значимых типов аспектуальной семантики – перспективному. Значение действия, совершенного наперед, заранее, характерно для целого ряда языков, однако при общности аспектов оценивания подобного действия и его результата, частные значения перспективной семантики и их продуктивность в разных языках варьируются.

В качестве объекта исследования выбраны глаголы перспективного способа действия в русском, старославянском и древнегреческом языках. Выбор языкового материала мотивирован старославянским характером префикса *пред-*, маркирующим данное значение, и наличием у него аналога в древнегреческом языке – *про-*.

Цель исследования – путем сопоставительного анализа глаголов в указанных языках оценить направления заимствования «перспективной» префиксальной модели из древнегреческого в старославянский и из старославянского языка в русский.

Приставка *про-* в древнегреческом языке употреблялась в 8 значениях: перед, впереди (*προιπλεῖω* – ехать верхом впереди); вперед или наружу (*προάγω* – выводить наружу); за, в защиту (*προϋγορέω* – говорить в защиту); предпочтительно, больше (*προτιμάω* – ценить выше, предпочитать); перед, раньше, до (*προπολιτεύομαι* – ранее заниматься государственной деятельностью); заранее, наперед (*προδεικαίνω* – заранее бояться); вблизи (*προπομπός* *ὁ* и *ἡ* – сопровождающий, спутник); усиления (*προβιβεῖομαι* – стараться, прилагать усилия, добиваться)¹. Структурно-семантический анализ древнегреческих глаголов с префиксом *про-* позволил выявить несколько типов префиксальных моделей (в том числе «перспективной»), обусловленных полисемичностью приставки *про-* и ее взаимодействием с глаголом. При этом спектр значений префикса значительно шире, чем у его аналога в старославянском языке, для которого характерны значение нахождения впереди (*прѣдъзърѣти* – видеть пред собой); выполнения действия заранее, наперед (*прѣдъзнати* – знать заранее); значение превосходства (*прѣдъварити* – опередить, обогнать)².

Сопоставление древнегреческих и старославянских глаголов позволяет сделать вывод о значимости перспективной семантики для данных языков (при меньшей продуктивности старославянского префикса по сравнению с древнегреческим), ее взаимодействии с пространственным и временным значениями и, как следствие, многозначности глаголов с данными приставками. Анализ глаголов с приставками *про-* и *прѣд-* демонстрирует семантическую трансформацию пространственной семантики глагольного префикса в перспективную, которая для старославянского языка очень органична в силу общей христианской направленности старославянских текстов, отмеченных одновременно мыслью о предначертанности человеческой жизни и желанием заглянуть вперед (*прѣдъповѣдати* – говорить заранее, *прѣдъпоказати* – заранее указать, *прѣдъводити* – направлять, а также церковнославянские *предповелѣвати* – повелевать перед событием и т.д.).

Что касается русских глаголов с приставкой *пред-*, то она практически утратила пространственное значение, сохранив перспективное и расширив сферу действий, осмысляемых как выполненные заранее, – от религиозной (*предрекать*, *предвозвещать*) до научной (*предназначить*, *предписать*) и обыденной (*предугадать*).

¹ Древнегреческо-русский словарь : в 2 т. / сост. И.Х. Дворецкий ; под ред. С. И. Соболевского. Москва : ГИС, 1958. – Т 1.

² Старославянский словарь (по рукописям X-XI вв.). / Под ред. Р. М. Цейтлин и др. М.: Рус. яз., 1994.

О ВОЗМОЖНОСТЯХ СОДРУЖЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Сорокина Э. А., Гринев-Гриневиц С.В., Рогуцка, Иоланта

Сорокина Э. В.

Государственный университет просвещения, г. Москва

Гринев-Гриневиц С. В.

Московский городской педагогический университет, г. Москва

Государственная высшая профессиональная школа

им. проф. Едварда Ф. Щепаника в Сувалках, г. Сувалки (Польша)

Рогуцка И.

Государственная высшая профессиональная школа

им. проф. Едварда Ф. Щепаника в Сувалках, г. Сувалки (Польша)

Данное исследование является продолжением начатой в 2020-2021 гг. темы изучения возможностей сближения славянских языков по мере их развития.

В 1959 г. был провозглашен принцип «минимального расхождения» языков, т.е. максимального схождения в заимствованиях и создании новых терминов в языках народов СССР. Этот принцип в дальнейшем активно развивался З. Стоберским в рамках созданной им в 1980-е годы Международной организации по унификации терминологических неологизмов, содействовавшей интернационализации терминов основных европейских языков.

Как установил З. Стоберский, в терминологии степень соответствий достаточно высока, что и подтверждается нашими исследованиями в области медицинской терминологии. В результате проведенного нами анализа медицинской терминологии определилась высокая степень интернационализации: формы основных терминов совпадают на 73 % в пяти основных европейских языках, на 85 % в четырех языках, на 93 % в трех языках и на 97 % в двух языках.

Важным условием сознательной языковой политики, необходимость которой явно ощущается всеми терминоведами современных славянских государств, на наш взгляд, является анализ существующей ситуации с точным учетом определения уровня соответствия лексики, деривационных особенностей лексических средств и моделей словосочетаний, присутствующих в родственных языках.

В представляемом сообщении приводятся результаты выборочного анализа степени соответствия общей лексики ряда славянских языков (русского, украинского, белорусского, польского, чешского и словацкого).

На фоне общеупотребительной лексики терминологическая лексика имеет свои особенности. Анализ терминологии одного из разделов языкознания – лексикологии – относящейся к русской, польской и белорусской лингвистике, позволил выявить перспективные направления их содружественного развития.

Интересным и перспективным направлением анализа восточнославянского терминоведения считаем проведение сравнительно-сопоставительного анализа терминообразовательных средств, участвующих в создании национальных терминологий. Эта работа уже начата, в докладе дается информация о ее предварительных результатах.

ИОСИФ ЛЕВИЦКИЙ – ПРОСВЕТИТЕЛЬ ГАЛИЦКОЙ РУСИ

Суляк С. Г.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

Тараклийский государственный университет, г. Тараклия (Молдова)

Иосиф Иванович Левицкий (24 мая 1801, Барановцы, Самборского уезда, Королевство Галиции и Лодомерии (Австрийская империя) – 24 мая 1860, Дрогобыч, Королевство Галиции и Лодомерии (Австрийская империя)) – греко-католический священник, галицко-русский общественный и культурный деятель, писатель, филолог, переводчик, автор грамматики русского (русинского) языка и ряда школьных учебников.

И. И. Левицкий окончил среднее училище в Самборе, в 1825 г. – Венскую духовную семинарию. По окончании семинарии преподавал церковнославянский язык в Перемышльской духовной семинарии; также о. Иосиф учительствовал в селах Шкло, Грушев и Нагуевичи. Всю жизнь прожил в Шкле, будучи там приходским священником.

В Шкле Левицкий организовал работу приходской школы, в которой обучалось более 100 детей. Для них он подготовил и издал за свой счет «Молитослов» (1840). В 1839 г. он пытался начать вести метрические книги на русинском наречии, однако, несмотря на поддержку епископа Иоанна Снегурского, австрийские власти это запретили.

И. И. Левицкий – автор стихотворных посвящений епископам Иоанну Снегурскому (1829, 1837) и Григорию Яхимовичу (1841). Перевел на галицкое наречие ряд произведений Ф. Шиллера (1839, 1842, 1844) и др. авторов.

В 1834 г. издал в Перемышле первую в Галичине грамматику русского (русинского) языка на немецком языке: *Grammatic der ruthenischen oder klein russischen Sprache in Galizien* (Грамматика языка русского в Галиции). В предисловии к ней впервые в историографии упомянул этноним «лемки».

Позже вышли его «Азбука русская для наименьших детей починающих ходити до школы» (1843, 1849), «Грамматика немецкого языка для студентов першоу и другой классы, починающих ходити до школы» (1845), «Грамматика языка русского в Галиции» (1849, 1850).

Выступил первым против идеи И. Лозинского перевести русинский язык с «мёртвой» кириллицы на польский алфавит, опубликовав статью «*Odpowiedź na zdanie o zaprowadzeniu abecadła polskiego do piśmiennictwa ruskiego*» (1834) (Ответ на предложение о введении польского алфавита в русинскую письменность).

В 1839 г. перевел на галицкое наречие фрагмент из «Слова о полку Игореве». Перевод был опубликован в 1896 г. И. Франко.

В 1843 г. Левицкий опубликовал в варшавском русско-польском журнале «Денница» статью «Судьба галицко-русского языка и литературы», в которой дал библиографический обзор галицкого книгопечатания за 70 лет австрийского правления в Галичине.

Известный исследователь литературы Карпатской Руси Ф. Ф. Аристов считал И. Левицкого «одним из самых светлых, сознательных и образованных в то время галичан».

М. М. Левченко, российский лексикограф и этнограф в своих «Воспоминаниях о походе в Венгрию в 1849 году (Записки пехотинца)» написал: «Образованность русинов под польским и венгерским владычеством совершенно было померкла, изредка печатались только богослужебные книги. Но в нынешнем столетии и у русинов пробудилась умственная жизнь. Кроме двух вышеупомянутых грамматик русинского языка, – Пихлера и Лозинского, там есть ещё грамматика Вагилевича и Левицкого; последняя считается лучшею из всех».

ПОНЯТИЕ «СКОРОСТЬ» В ИСТОРИИ РУСИНСКОГО ЯЗЫКА

Толстик С. А.

Томский государственный университет, г. Томск

Скорость – одна из значимых пространственно-временных характеристик объекта, передающих его степень быстроты движения.

В русинском языке понятие «скорость» выражают существительные *скорота*, *скорость*, *быстрота*, *прудкость*, *швытїнь* и их однокорневые слова. Доминантой этого синонимического ряда является *скорота* как выражающее разные аспекты рассматриваемого понятия по сравнению с синонимами. Следовательно, в основе русинского понятия, в его ядерной зоне, находится русинская лексика с корнем *скор-*, характеризующая структуру понятия с помощью признаков быстрого движения, поспешности / торопливости, умения быстро мыслить и преждевременности.

Близкие к ядру слова *быстрота*, *прудкость* и родственная им лексика тоже репрезентируют признак скорого движения, которые соответствуют по семантике доминанте ряда. К периферии относится существительное *швытїнь* в переносном значении ‘быстрота движения’ и как характеристика движения природного объекта ‘стремнина’.

Русинский язык формировался в окружении словацкого, польского и украинского языков, следовательно, необходимо посмотреть в них наличие исследуемых лексем и однокорневой материал. Материал этих контактных языков показал, что понятие скорости обозначается адъективами на **skor-*, **bystr-*, не выражается существительными со *скор-* (кроме украинского *скорість*). Существительные в значении скорости могут быть теми же, что и в русинском (украинское *быстрота*, в западных языках с другим суффиксом – словацкое *bystrost'* и польское *bystrość*; украинское *прудкість*, польское *prędkość*; в словацком только прилагательное *prudkí*) и с другими корнями, отсутствующие в русинском (польское *szybkość*, адъектив *rychły*, украинское *швидкий*; словацкое *rychlost'*, *rychlý*). Существительное *швытїнь* и однокорневая лексика представлена в русинском и украинском языках, а также в польских говорах.

Русинские лексемы с корнями **skor-*, **bystr-*, **prqd-/pręd-* унаследованы из праславянского в значении ‘скорый, быстрый’. Более поздние репрезентанты анализируемого понятия с корнем *швыт-/швид-*, заимствованные из польского, имеют региональный характер. Нет единого мнения о путях их заимствования: либо полонизм пришел из древненижненемецкого *swið* ‘сильный, быстрый, ловкий’, либо это межславянское заимствование, тоже изначально из польского: ср. польское диалектное *świtki* ← *świtać* ‘быстро бежать, скакать’.

Новый, самый поздний аспект понятия скорости в русинском стало обозначать существительное *ступень*, которое находится на дальней периферии анализируемого синонимического ряда и обозначает только автомобильную скорость. Это значение появилось на основе семантического изменения ‘шаг, ступень, степень’ как ‘переключение на другую степень скорости’. В контактных языках этим словом скорость автомобиля не обозначается, это уже собственно русинская инновация.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ И ОТПРОСТРАНСТВЕННЫЕ СМЫСЛЫ ГЛАГОЛЬНОЙ ПРЕФИКСАЦИИ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Филь Ю. В., Конончук И. Я., Дударева А. И.

Томский государственный университет, г. Томск

В лингвистике представлен целый ряд работ, посвященных категории пространства, ее интерпретации и средствам репрезентации в языке (см. исследования функционально-семантической категории локативности; пространственно-дистанционных наречий, предлогов, послелогов; пространственных моделей преобразования языковых единиц; семантических схем русских глагольных приставок и др.). Средства, служащие в языке выразителями пространственных отношений, не только фиксируют физическое пространство, но и интерпретируют его с точки зрения его разных критериев и форм.

Как правило, в качестве первичного значения языковых единиц рассматривается именно пространственное, другие значения этих единиц появляются путем преобразований пространственного значения. Вторичность отпространственных значений интерпретируется по-разному, однако связь между пространственными и непространственными смыслами считается генетически обусловленной. Отражением этого является наличие в языке устойчивых моделей, по которым происходит трансформация исконного пространственного значения в смежные, затрагивающая содержание как целых языковых категорий, так и отдельных единиц.

Данное утверждение относится и к глагольным префиксам. Так, все славянские приставки полисемичны, их значения развиваются из исконного пространственного (при его наличии вообще), происходящие же смысловые преобразования предопределены как семантикой самого префикса, так и лексическим значением глагола и контекстом его употребления. При таком взгляде на смысловую суть приставки в центре внимания находится не статичная совокупность значений одной приставки, а динамические переходы от одного значения префикса к другому, мотивированные общими когнитивными и языковыми закономерностями.

Естественно предположить наличие семантических преобразований префикса от более конкретного к более абстрактному. Расширение сферы употребления приставки может привести к преобразованию (а иногда полной потере) ее пространственной семантики, формированию отпространственных смыслов. Направления указанных преобразований могут быть разные, в том числе в сторону того уровня абстракции, которой в аспектологии принято называть грамматическим. Например, от значения перемещения субъекта/объекта, его движения в соответствии с пространственным ориентиром, неполноты или интенсивности совершаемого действия, вследствие которого возможно уничтожение старого объекта или появление нового, к значению завершения действия и получения результата, характеризующемуся как наиболее близкое к грамматикализованному (перфектному) значению исследуемой приставки: *извести* (вывести), *изглаголати* (сказать), *истъкати* (выткать), *изгоубити* (погубить всех, полностью), *истаяти* (растаять); *принести* (принести), *прикасати* сѧ (прикасаться), *приломити* (надломить), *прикоупити* (заработать, присоединить), *принарицати* (называть, назвать) и т.д.

В докладе через сопоставление приставочных и бесприставочных глаголов и анализ преобразований семантики производящего глагола исследуются глагольные единицы, извлеченные из словарей старославянского языка – первого письменного языка славян, зафиксировавшего как «этапы» формирования широкого спектра значений приставок как средств выражения аспектуальных смыслов в современных славянских языках, так и предполагаемые результаты древнегреческого влияния в сфере глагольной префиксации.

ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СХОДСТВА СЛАВЯНСКИХ И ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ: БЕЛОРУССКИЕ, РУССКИЕ И УКРАИНСКИЕ ПРЕФИКСАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ И СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ ДЛЯ НОСИТЕЛЕЙ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Шишин К. А.

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, г. Москва

Лебедева Н. Б.

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

Актуальность данного исследования обуславливается тремя факторами: 1) белорусский, русский и украинский языки в современную эпоху стоят перед разнохарактерными вызовами: а) белорусский язык, по данным «Всемирного атласа языков» ЮНЕСКО, является потенциально уязвимым¹; б) русский язык теряет число изучающих его как иностранный: так, в Германии, по данным Федерального статистического ведомства ФРГ, с 1992 по 2021 гг. число немецких школьников, выбирающих русский как второй иностранный, снизилось на 83 %²; в) украинский язык, как, со ссылкой на платформу Duolingo, пишет австрийская газета «Der Standard», с марта 2022 г., напротив, испытал 485-процентный рост числа интересующихся его изучением, особенно в Польше³; 2) определенные сходства в форме и семантике (близко)родственных языков позволяют оптимизировать их изучение на базе родного или доминантного иностранного языка⁴; 3) внимание российских ученых привлекает мультилингводидактика: так, «в последние 20 лет ведутся активные работы по созданию методик одновременного изучения и преподавания нескольких языков»⁵.

Проводимое исследование имеет двоякую цель: а) проанализировать пласт формально-семантически общей / близкой глагольной и субстантивной лексики в названных восточнославянских языках и немецком как родном и б) показать дидактико-методическую возможность оптимизации обучения и изучения одновременно трех восточнославянских языков на базе генетически родственного им немецкого языка – в частности, для их популяризации среди носителей немецкого языка.

Таковыми формально-семантическими панданами в сфере префиксальных глаголов и существительных в паре «иностраный белорусский, русский и украинский ↔ родной / доминантный немецкий», где семантика префикса и корня совпадают, являются, например:

бел.	выходзіць:	вы .PREF- ходз .STEM-іць.INF
рус.	выходить:	вы .RREF- ход .STEM-ить.INF
укр.	виходити:	ви .PREF- ход .STEM-ити.INF
нем.	hinausgehen:	hinaus .PREF- geh .STEM-en.INF
	наружу.	PREF- ходить .STEM-INF 'выходить'

бел.	подпіс:	под .PREF- піс .STEM
рус.	подпись:	под .RREF- пись .STEM
укр.	підпис:	під .PREF- пис .STEM
нем.	Unterschrift:	Unter .PREF- schrift .STEM
	снизу.	PREF- писать .STEM; VNOUN 'подпись'

¹ UNESCO. World Atlas of Languages. Belarusian. – Режим доступа: <https://en.wal.unesco.org/languages/belarusian>

² Statistisches Bundesamt. Zahl der Woche Nr. 13 vom 29. März 2022. – Режим доступа: https://www.destatis.de/DE/Presse/Pressemitteilungen/Zahl-der-Woche/2022/PD22_13_p002.html

³ Starkes Interesse // Der Standard. 2022.17.03.

⁴ См., например: Торопкина Д. М. Использование сходств в лексической семантике немецкого и английского языков для оптимизации их изучения // XXV Нижегородская сессия молодых ученых (технические, естественные, гуманитарные науки): материалы тезисов и докладов. – Нижний Новгород: Нижегородский научно-информационный центр, 2020. – С. 346-348.

⁵ Хайдаров Я. Р. Об одном из методов, используемых для формирования коммуникативных компетенций при одновременном преподавании нескольких романских языков // Древняя и Новая Романия. – 2018. – № 22. – С. 76-82.

ИНТЕРНЕТ-МЕМЫ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОЛЬСКИХ ЭТНИЧЕСКИХ АВТОСТЕРЕОТИПОВ

Шкапенко Т. М.

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград

В докладе рассматривается специфика репрезентации автостереотипов поляков в интернет-пространстве. Объект изучения составила серия популярных интернет-мемов (с 2007 г. по настоящее время), в которых образ поляка представлен в виде носачей (nosacz) – обезьян из семейства мартышковых. В мемах группа носачей подвергается антропонимизации, получает типичные польские имена и наделяется теми характерологическими и поведенческими чертами, которые образуют своего рода «автопортрет» определенной части польской нации.

В процессе изучения собранного материала (150 интернет-мемов) были использованы методы мультимодального, лингвокультурного и социолингвистического анализа. Установлено, что основным способом экспликации стереотипа поляка в мемах является вербально-центрический, при котором ведущую роль играет реплика носача. Иконический элемент выполняет вспомогательную роль, эксплицируя ситуативный контекст, а также усиливая юмористическую (остро сатирическую) составляющую мемов. Основными чертами, формирующими этнопортрет стереотипного поляка в мемах, являются: скупость и стремление к чрезмерной экономии (22 % мемов), необразованность, отсталость и косность мышления (27% мемов), чувство зависти и злорадства (28% мемов), склонность к чрезмерному потреблению алкоголя (10 % мемов).

Основополагающую роль в формировании образа носача-поляка играют языковые особенности, представляющие собой важнейшую социолингвистическую характеристику. Фонетический принцип правописания эксплицирует типичные ошибки в произношении; для речи носача характерно также нарушение грамматических норм и насыщенность речи нецензурной лексикой.

В сочетании с изображаемыми ситуациями возникает коллективный, остро сатирический образ стереотипного поляка, который противоречит распространенным в этнологии утверждениям о преимущественной комплиментарности автостереотипов, что объясняется стремлением нации отделить «своих» от «чужих». В том случае, если целая серия мемов претендует на создание некоего обобщенного этнообраза, рисуя его в исключительно негативном свете, она являет собой свидетельство наличия внутренней оппозиции в обществе, его разделения на «своих» и «чужих». В контексте выполненного анализа становится очевидным, что выбор обезьяны в качестве зооморфной метафоры не случаен – в нем отражается отношение одной части польской нации к другой как к «недочеловеку». Дегуманизация образа значительной части польского населения в определенной степени характеризует самих создателей мемов, претендующих на европейский уровень культуры поведения и мышления, однако не способных проявить толерантность к своему ближнему.

ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ БИБЛЕИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ КАК ФАКТОР ПРИЗНАННОСТИ ИЛИ ЛЕГКОСЛОВИЯ?

Шкуран О. В.

Луганский государственный педагогический университет, г. Луганск
Российский университет дружбы народов, г. Москва

Актуальность данного исследования определяется тем, что языковая сакрализация является фундаментальным понятием человеческой деятельности и одним из ключевых положений современной лингвистики. Внимание и распознавание языковой единицы, систематизация увиденного и услышанного, установление существенных и закономерных связей в отношении объективной действительности и познания влекут за собой целенаправленный подход от видового к родовому понятию, разделяют ментальные сущности, в том числе триаду *сакральный – профанный – десакральный*, и раскрывают превосходство или недостаток сакрального начала в культуре и языке русского народа (Т. Е. Владимирова, О. В. Гневэк, О. А. Дмитриева, И. А. Королева, Т. В. Кузьмина, К. Д. Наумов, С. Н. Селезнева, И. Г. Чеботарева и др.).

Языковая десакрализация библеизмов – это секуляризированная популяризация библейских фразеологических единиц в современном дискурсе с более низким ценностным регистром для актуализации того семантического сегмента, который необходим адресанту в коммуникации. Это подразумевает утрату библеизмом мелиоративно-коммуникативной функции и приобретение экспрессивно-десакрального статуса, способного вызвать стилистический эффект и привести к релятивизации ценностно-смыслового пространства языка. Его использование чревато стиранием национальных, культурных, религиозных традиций и формированию квазиценностей посредством русского языка. Антиценностный уровень со знаком минус, в свою очередь, ведет к деструкции личности и культурно-языковой константы.

Если во времена древнего мира члены языкового общества полагались на тексты богодухновенных книг или на собственные традиции, передающиеся из поколения в поколение, то современный информационный мир отражается и реконструируется с помощью медиатекстов, воспроизводящих мир в своем противоречии, многообразии, и ставит человека в ситуации выбора семантики языковой ментальной единицы, которая приобретает статус крылатого выражения: *запретный плод приятен вдвойне; запретный плод будет по-прежнему сладок; выбор яблока в качестве запретного плода вызвал явное неудовольствие всех остальных фруктов; корысть в любви – это червяк в запретном плоде; запретные плоды – любимое блюдо в значных местах; тщеславие – это когда фигу в кармане представляют запретным плодом; с падением морали запретный плод стал дежурным блюдом; запретный плод под жареными фактами – фирменное блюдо адской кухни; запретный плод сладок, его солить – только портить...; рост запретов ведет к увеличению надкусанных плодов; не хлебом единым живется мужчине. И булочки сдобной вкусить витамины мечтает* и др.

Библеизм создает особую речевую среду, в котором в понятие образцовости нормативного языкового средства включается значение «признанности» или «легкословия», стимулирующие переориентацию на материальные ценности и потребительские «святыни», способствующие деструктивному процессу высших ценностей языковой личности и разрушающие библейскую духовную культуру, создавая квазисакрализаторы в современном русском языке.

О ЛЕКСИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ В РУССКИХ ЧТЕНИЯХ СТИШНОГО ПРОЛОГА

Щеглова О. Г.

Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск

Стишной Пролог как памятник церковнославянской письменности представляет большой интерес для исследователей истории русского литературного языка. Памятник существовал на Руси в течение четырех веков (с XIV по XVII вв.), многократно переписывался на разных русских территориях. Тексты в его составе с содержательной стороны, безусловно, не просто переписывались, но и редактировались, тем не менее в целом претерпевали не слишком значительные изменения. В плане же выражения, то есть с лингвистической точки зрения, эти тексты дают большое количество разночтений на разных языковых уровнях и, прежде всего, на лексическом уровне. Поэтому изучение лексической вариативности в текстах Стишного Пролога имеет большое значение для изучения истории русского литературного языка и, в частности, для истории его словарного состава. Исследование истории лексического состава русского литературного языка по-прежнему остается актуальной филологической проблемой.

В докладе рассматриваются лексико-словообразовательные варианты, выявленные в русских майских чтениях Стишного Пролога. Материалом для исследования послужили житийные тексты русского происхождения о Феодосии Печерском, князьях Борисе и Глебе, о Леонтии Ростовском и др., представленные в списках Стишного Пролога как в повторяющихся чтениях, так и в разных редакциях.

В результате исследования выявлено 76 пар лексико-словообразовательных вариантов. Это самая многочисленная группа среди всего объема исследуемых лексических вариантов. Лексико-словообразовательные варианты были распределены по частям речи, внутри частеречных групп они были определены как слова, различавшиеся аффиксами (*невѣръствіе* – *невѣръіе*, *пастухъ* – *пастырь*), и слова, противопоставлявшиеся по признаку наличия / отсутствия аффикса (*сіяти* – *въсіяти*, *сръдѣ* – *посръдѣ*, *чадо* – *чадце*). Отдельно были выделены как лексико-словообразовательные варианты замены слова словосочетанием.

Анализ материала показал, что основную массу лексико-словообразовательных вариантов составляют случаи, имеющие своей основой семантическое тождество. Причины варьирования чаще всего были стилистические, в этом отражалось стремление к большей эмоциональности повествования (*боятися* – *убоятися*, *мудрость* – *прѣмудрость*). В лексическом варьировании выражалась тенденция к семантическому выравниванию контекста, что проявлялось в использовании более точных в семантическом отношении для данного контекста слов (*ити* – *вънити*, *ити* – *отити*).

Наличие в исследуемых оригинальных текстах Стишного Пролога лексико-словообразовательных вариантов свидетельствует о богатстве русского языка XV-XVII веков и о том, что вариативность была изначально присущей ему характерной чертой.

СПИСОК ДОКЛАДЧИКОВ

Алексеева Екатерина Александровна, к.ф.н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин Саратовской государственной консерватории им. Л.В.Собинова, г. Саратов (Россия)

Алефиренко Николай Федорович, д.ф.н., профессор кафедры филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород (Россия)

Артеменко Елена Дмитриевна, к.ф.н., научный сотрудник Лаборатории социальной и когнитивной информатики, Лаборатории лингвистической антропологии Высшей школы экономики, Томского государственного университета, г. Санкт-Петербург, г. Томск (Россия)

Бочаров Алексей Владимирович, к.и.н., доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Вань Нин, к.ф.н., преподаватель кафедры русского языка Шаньдунского женского института, г. Цзинань (Китай)

Ваулина Светлана Сергеевна, д.ф.н., профессор института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта, г. Калининград (Россия)

Владимирова Валерия Евгеньевна, ассистент кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики, аспирант Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Гордеев Сергей Витальевич, старший преподаватель кафедры русского языка Хэйхэского университета, г. Хэйхэ (Китай)

Гринев-Гриневич Сергей, д.ф.н., профессор Московского городского педагогического университета, г. Москва (Россия), Государственного профессионального образовательного учреждения им. проф. Эдварда Ф. Щепаника в Сувалках, г. Сувалки (Польша)

Данилевская Наталия Васильевна, д.ф.н., заведующий кафедрой русского языка и стилистики Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь (Россия)

Диброва Вероника Сергеевна, лаборант Лаборатории лингвистической антропологии, аспирант Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Дронова Любовь Петровна, д.ф.н., профессор кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Дударева Анастасия Игоревна, старший лаборант кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики, магистрант Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Евпак Евгений Владимирович, к.ф.н., кафедры русского языка и литературы Кемеровского

государственного университетп, г. Кемерово (Россия)

Ерома Жанна Ивановна, к.ф.н., доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий Московского государственного лингвистического университета, г. Москва (Россия)

Зубрицкая Екатерина Валентиновна, старший преподаватель Высшей школы филологии и кросс-культурной коммуникации Балтийского федерального университета им. И. Канта, г. Калининград (Россия)

Калинин Степан Сергеевич, к.ф.н., директор научно-образовательного центра русского языка и славянской культуры Международного славянского института, г. Москва (Россия)

Конончук Инесса Яковлевна, к.ф.н., доцент кафедры романо-германской и классической филологии Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Коришунова Ирина Сергеевна, ассистент кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики, аспирант Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Крюкова Лариса Борисовна, к.ф.н., доцент кафедры русского языка Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Курьянович Анна Владимировна, д.ф.н., заведующий кафедрой теории языка и методики обучения русскому языку Томского государственного педагогического университета, г. Томск (Россия)

Лебедева Наталья Борисовна, д.ф.н., профессор кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета, г. Кемерово (Россия)

Меркулова Инна Александровна, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Воронежского государственного университета, г. Воронеж (Россия)

Мечковская Нина Борисовна, д.ф.н., профессор кафедры теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета, г. Минск (Беларусь)

Мокиенко Валерий Михайлович, д.ф.н., профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, научный руководитель Межкафедрального словарного кабинета им. проф. Б. А. Ларина, г. Санкт-Петербург (Россия)

Некрасова Мария Юрьевна, к.ф.н., доцент кафедры Теория и практика перевода Севастопольского государственного университета, г. Севастополь (Россия)

Никитина Татьяна Геннадьевна, д.ф.н., профессор кафедры теории и методики начального и дошкольного образования Псковского государственного университета, г. Псков (Россия)

Оглезнева Елена Александровна, д.ф.н., директор Института международных связей и интернационализации образования Томского государственного архитектурно-строительного университета, г. Томск (Россия)

Орлова Ольга Вячеславовна, д.ф.н., профессор кафедры русского языка и специальных дисциплин института международных связей Томского государственного архитектурно-строительного университета, г. Томск (Россия)

Осипова Ольга Андреевна, преподаватель кафедры славянских языков и культур Московского государственного университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва (Россия)

Остапчук Оксана Александровна, к.ф.н., научный сотрудник Отдела восточного славянства Института славяноведения Российской академии наук, г. Москва (Россия)

Островская Наталья Вячеславовна, старший преподаватель кафедры истории, культуры и искусств Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск (Россия)

Пекунова Ирина Семеновна, младший научный сотрудник Сектора лингвистической компаративистики Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва (Россия)

Пилипенко Глеб Петрович, к.ф.н., старший научный сотрудник Отдела славянского языкознания Института славяноведения Российской академии наук, г. Москва (Россия)

Поляк Татьяна Владимировна, преподаватель Высшей школы филологии и кросс-культурной коммуникации Балтийского федерального университета им. И. Канта, г. Калининград (Россия)

Резанова Зоя Ивановна, д.ф.н., заведующий кафедрой общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Томского государственного университета, зам. заведующего Лабораторией лингвистической антропологии, г. Томск (Россия)

Рогуцка Иоланта, д.ф.н., проректор по науке гуманитарно-экономического факультета Государственного профессионального образовательного учреждения им. проф. Эдварда Ф. Щепаника в Сувалках, г. Сувалки (Польша)

Садыкова Ирина Викторовна, к.ф.н., доцент кафедры романо-германской и классической филологии Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Серышева Юлия Вячеславовна, к.ф.н., старший преподаватель Отделения русского языка Школы базовой инженерной подготовки Томского политехнического университета, г. Томск (Россия)

Сорокина Эльвира Анатольевна, д.ф.н., профессор Государственного университета просвещения, Российского университета транспорта, г. Москва (Россия)

Суляк Сергей Георгиевич, к.и.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург (Россия), профессор Тараклийского государственного университета, г. Тараклия (Молдова)

Сухорукова Юлия Александровна, к.ф.н., доцент кафедры русского языка и специальных дисциплин института международных связей Томского государственного архитектурно-строительного университета, г. Томск (Россия)

Толстик Светлана Александровна, к.ф.н., доцент кафедры русского языка Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Филь Юлия Вадимовна, к.ф.н., доцент кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Чумак-Жунь Ирина Ивановна, д.ф.н., заведующий кафедрой русского языка и русской литературы, Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород (Россия)

Шишигин Кирилл Александрович, д.ф.н., профессор кафедры иностранных языков № 3 Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, г. Москва (Россия)

Шкапенко Татьяна Михайловна, профессор Высшей школы филологии и кросс-культурной коммуникации Балтийского федерального университета им. И. Канта, г. Калининград (Россия)

Шкуран Оксана Владимировна, к.ф.н., доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского государственного педагогического университета, г. Луганск, ЛНР

Щеглова Ольга Георгиевна, к.ф.н., зав. кафедрой источниковедения литературы и древних языков Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск (Россия)